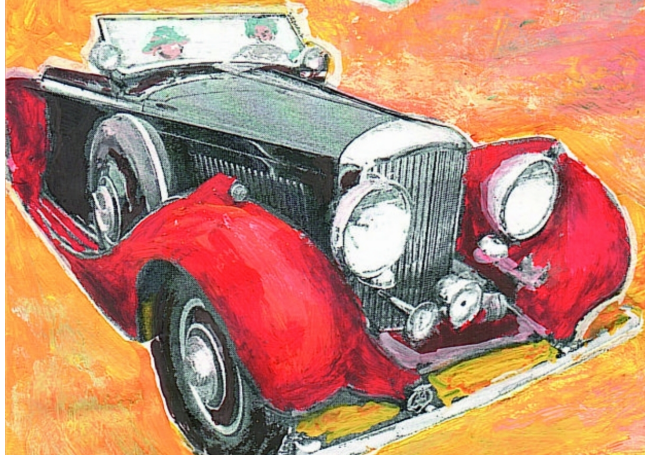

Виктор ЛЫСЫХ

Однажды в ЯЛТЕ

КУРОРТНЫЙ РОМАН
И НЕ ТОЛЬКО...

18+

Виктор Михайлович Лысых

Однажды в Ялте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38268882

SelfPub; 2019

ISBN 978-5-5321-0630-7

Аннотация

Остросюжетный роман, где интрига проявляется на первых страницах и затягивает в гущу детективных событий и любовных приключений. Однако в произведении много и серьёзных вещей, над которыми задумываешься. К несомненным его достоинствам можно отнести лёгкость слога, яркий авторский стиль и язык образный, живой и динамичный. Присутствует в романе и тонкий юмор, ирония, но есть в нём и холодная, просчитанная сила, мудрость и многогранность. А ещё роман создаёт настроение, заряжает эмоциями и даёт возможность почувствовать яркие краски жизни, ощутить вкус любви и страсти и прелесть вечерней прохлады у моря...

Содержание

За горизонтом событий. Предисловие с пояснением	5
Дама с мольбертом, и мужик с претензией	8
Утренний кофе и Колян с катера	13
Как хорошо, что мы встретились с вами	21
икий пляж и статуэтка китайская	26
Голыми руками гада не возьмёшь	30
Главный герой – личность неординарная	33
В образе алкаша рисуем картины маслом	46
Солидный клиент с серьёзными намерениями	51
Дуракам и новичкам везет...и не только в рулетку	56
Ищите женщину, и приключение вам обеспечено	60
За горизонтом событий. Полет над землей и голова на блюде	63
Две милых дамы – лучше, чем одна	69
Водевиль в исполнении артистов любителей	79
Слушай только меня и больше никого	83
За горизонтом событий. Наводнение в пустыне и незванный гость	90
Ах, зачем, да почему, да по какому случаю	100
Дикий пляж, СБУ и джигиты с Кавказа	106
Конец ознакомительного фрагмента.	107

Место действия: Ялта – наши дни, Иудейская пустыня – от начала времён и сегодня, а также Париж, Иерусалим, Мёртвое море и кое-где еще, в зависимости от желания героев и обстоятельств, но что они там побывают – автор гарантирует.

За горизонтом событий.

Предисловие с пояснением

В Иудейской пустыне, не далеко от Иерихона, у подножия серо-желтых, безжизненных гор, можно наткнуться на камень. Серый базальт с черными разводами, он лишь на несколько сантиметров выступает над поверхностью. А когда-то, в давние времена, мимо него нельзя было пройти, чтобы не остановиться.

Отполированный песком и ветрами, он возвышался почти на метр, и его поверхность с буроватыми прожилками и темно-зелеными разводами по краям притягивала практически всех путников. Они гладили его, присаживались и сразу же блаженно закрывали глаза. Что-то теплое и умиротворяющее исходило от камня.

Любил сидеть на нём и Иисус, когда удалился в эти места на сорок дней. Была здесь и Сусанна, которую Иисус встретил в Иерихоне, направляясь сюда.

Когда она появилась в пустыне, Иисус удивился и спросил:

– Как ты нашла меня?

– После той встречи на рынке, меня побил теткин сын, и я убежала, – сказала она. – Шла по твоему следу, а когда сбивалась, то переставала чувствовать тебя, и вот я здесь.

– Ты не можешь находиться со мной!

– Я с таким трудом нашла тебя, а ты говоришь, уходи, – она потупилась и тихо добавила, – ты говорил тогда, чтобы все люди любили ближних, но почему сам так не делаешь?

– Если мать говорит ребенку – отойди, это не значит, что она не любит его. Я люблю всех – и кто рядом со мной, и тех, кто стоит в стороне.

– Значит, ты любишь и меня, тогда я пойду туда и не буду тебе мешать, – сказала Сусанна, указав на промоину в горе.

И ушла, и устроилась там. Собирала колосья дикого ячменя, что росли меж редких кустов на краю пустыни. Разминала в ладонях и, выдув шелуху, высыпала в углубление на камне. Затем толкла зерна, сбивая с них кожуру, и снова продувала и лишь потом растирала ячмень в муку округлым гольшом, найденным неподалёку.

Похоже, что этот кругляш тоже когда-то был частью большого камня, но откололся от него, был обкатан и отшлифован ветром и песком. Брал его и Иисус, гладил, переключивал из руки в руку и успокаивался в минуты тревог и испытаний, что выпали ему в пустыне...

Но, остановимся на этом, в своё время мы еще не раз вернёмся к Иисусу и Сусанне, а сейчас поясним суть предисловия. А она в том, что округлый камень, который брал в руки Иисус, долгими путями, наконец, попал к нам. Он сохранил в своей памяти то, что скрывалось до времени и объясняет некоторые события – и не только в прошлом, но и сейчас.

А начиналось всё так...

Дама с мольбертом, и мужик с претензией

Конец мая, лето только вступило в свои права, и в Ялте было немногочленно. Я снял комнату рядом с морем на улице Чехова. Почти от дома начиналась пальмовая аллея и выходила к набережной. По утрам здесь было еще пустынно, и только одинокие отдыхающие, да редкие бегуны нарушали утренний покой.

Первые дни было ветрено и прохладно, срывался дождь, и тяжелые темные тучи опускались, чуть ли не до самых крыш, закрывая горы. Но через три дня солнце высушило мокрую набережную, и всё окрест засияло южной зеленью и рекламой.

К вечеру набережная наполнялась публикой нарядной и раскованной. Как угорелая носилась на роликах молодежь, а многие взрослые гуляли с собачками. Видимо чеховская дама с собачкой все же повлияла на местные нравы.

А когда на город опускались сумерки, и на литых чугунных столбах вдоль набережной зажигались фонари, наступало самое прекрасное время: встреч, прогулок у моря, веселых ресторанных посиделок и всего того, что и наполняло собой горячие и незабываемые ялтинские ночи.

А днем, ближе к полудню, у набережной выставляли свои

картины и всевозможные поделки, местные художники. Мне нравилось бродить по этой выставке. Я медленно переходил от одной картины к другой, и всякий раз задерживался у картин художницы Бруклицыной.

Это были в основном миленькие и красочные пейзажи Ялты: дворики, улочки, набережная. А на некоторых картинах были изображены женщины в белых платьях, широкополых шляпах и с кружевными зонтиками в руках. Картины были бесхитростные, но они притягивали. В них чувствовалась легкость, свобода и душевная теплота художника.

Женщина, сидевшая при этих картинах, полная, чернявая гречанка, говорила:

– Берите, не сомневайтесь, художник она хороший, известный, ее картины есть и в музеях.

– Вижу, что хороший, но пока не до картин, да и повесить некуда.

– Ну, что вы, место всегда можно найти, да и цена приемлемая. Взять хоть эту – всего 200 гривен, а какая красота!

– Согласен! Но вот чуточку разбогатею – обязательно куплю. А разбогатеть я собирался, за этим сюда и приехал.

На третий или четвертый день, часов в семь утра, я вышел на набережную. Её только полили, и солнце сияло во всю, и было удивительно хорошо. У одного из еще закрытых кафе я увидел художницу, которая срисовывала пальму на набережной.

По манере и цветовой гамме картины, которую она писа-

ла, без сомнения – это была Бруклицына. Одета она была в просторную темно-бордовую кофту далеко не первой свежести и просторные помятые джинсы, с пятнами засохшей краски.

Дама за мольбертом чуть сместилась и стала рисовать вывеску на кафе. Мне было интересно, я пристроился у парапета и стал смотреть.

Остановился, а потом и прицепился к ней с расспросами мужик бомжеского вида. Она молча рисовала, но мужик не уходил, художница резко обернулась, и что-то сказала. Мужик замолчал, а потом, отступив, начал ругаться:

– Сучка, а еще интеллигентку из себя корчит, художница драная.

Увидев, что я смотрю на них, мужик направился ко мне.

– Слыхал, говорит мне, вали на хрен, а еще мудаком обозвала. Разве художники бывают такими?

Мужику хотелось поговорить, но у меня такого желания не было. Я прошел чуть дальше и продолжил наблюдение. Быстрыми мазками художница дописывала картину. Холст был небрежно прибит к подрамнику, и его края, обтрепанные и неровно обрезанные, весьма портили вид уже почти готовой картины, на которой были изображены две дамы в белых длинных платьях и шляпах времён Чехова. Набережная была похожа, а вот с кого писались эти дамы – непонятно.

Вечером я увидел Бруклицыну в группе художников, ри-

совавших портреты желающим. Рядом с художницей висело несколько карандашных набросков, а на раскладном стульчике сидела девушка, и Бруклицына ее рисовала. Девушка получалась похожей, но была она какая-то плоская, неживая. Чувствовала это и художница. Она покрутила рисунок, и со вздохом, опустив руку с карандашом, подала рисунок девушке. Та посмотрела, скривилась и довольно резко сказала, что платить не будет:

– Можете оставить себе на память!

Встала и ушла. Бруклицына была в сильном расстройстве, скомкав листок, бросила его в сумку. Меня она не видела и, выждав немного, я подошёл, спросил:

– Нарисуете?

Она быстро окинула меня взглядом и, подумав, указала на раскладной стульчик. Пристроив лист бумаги к фанерке, с минуту изучала мое лицо, потом начала рисовать. Через некоторое время я сказал, что видел ее сегодня утром на набережной, и что ее картины мне нравятся.

– А кое-кому не нравятся, – резко сказала она. Похоже, что от слов девушки Бруклицына еще не отошла.

– Мона Лиза, возможно, тоже не всем нравится.

– Спасибо, утешили, – сказала она, и чуть приметная улыбка тронула ее губы.

Бруклицына вглядывалась в мое лицо, а я стал рассматривать ее.

Следует сказать, что как женщина она мне не пригляну-

лась. Лет за тридцать, какая – то простенькая, ничем не примечательная, разве что глаза красивые, да губы припухлые, теплые, а может и горячие.

На ней была черная футболка на два размера больше, чем надо бы, и те же просторные джинсы с засохшей краской. Под футболкой лифчика не было, и небольшие груди четко прорисовывались за тонкой тканью. Почувствовав мой взгляд, она ерзнула на стульчике, и я стал смотреть мимо неё на публику на набережной.

Минут через двадцать она отколола листик и подала мне. Было похоже, но восторга не вызвало. Пейзажи с дамочками у неё получаются гораздо лучше.

Я расплатился и отошел.

Утренний кофе и Колян с катера

На следующий день утром я увидел Бруклицыну на набережной, она собирала этюдник после рисования. Я поздоровался, она приветливо кивнула. Я предложил помочь донести ее амуницию, все равно делать нечего, она согласилась.

– И как вам удастся так рано вставать? – спросил я.

– Тяжко дается, но потом ловлю кайф от утра, моря, да и за спиной меньше хрюкают.

– Тут один жаловался, что вы его далеко послали.

– А если нормальных слов не понимает.

– Может, кофейку выпьем, – предложил я.

– Если угостите, почему бы и нет, – согласилась она.

Мы сели за столик одного из только что открывшихся кафе. Кроме кофе я заказал и пирожные. Посидели мы с полчаса, познакомились, звали ее Марина. Из разговора выяснилось, что живет она здесь одна, сын шести лет – у матери в Херсоне. А сюда приезжает на заработки, и живет с весны до осени. На вопрос, а муж чем занимается, сказала:

– Эгоизм свой холит, – и, помедлив, добавила, – художник он, в училище познакомились. Нормальный мужик был, а потом как сбрендил, непризнанный гений, – с ехидцей добавила она.

– А может это так и есть, – сказал я. – Насколько я помню, Ван Гога тоже считали психом, а он оказался – гением.

– Пусть будет хоть трижды гений, меня это уже не колышет, и ... закроем тему.

– Как скажете, – сказал я, улыбнувшись как можно шире, и это сняло напряжение, вызванное разговором о муже.

О себе я наплел сорок бочек небылиц, но в данной ситуации это было необходимо. По дороге к ее дому, я сказал, что собираюсь сегодня съездить в Массандровский дворец, посмотреть, как отдыхали наши цари. Марина оживилась:

– Можно и я с вами. Они взяли мои картины на выставку, обещали заплатить, но пока ни копейки не дали, а я сейчас, можно сказать, на мели.

– А картины, что совсем не покупают?

– Не сезон ещё, несколько взяли, но это так: за жильё, да на хлеб с молоком, а надо бы и матери уже подкинуть.

Комнату она снимала в старом особняке. Скорее всего, что раньше дом принадлежал одному человеку, а сейчас здесь проживало пять семей, не считая курортников. Дом оброс пристройками, балкончиками, лестницами, зарос одичавшей сиренью, плющом и всякой южной растительностью, и поэтому выглядел довольно живописно и привлекательно. И я сказал об этом Бруклицыной, но она, усмехнувшись, сказала, что, да, внешне привлекательно, но внутри:

– Крыски из дырочек выглядывают, не говоря о тараканах, они здесь полные хозяева.

Мы договорились, что я заеду после обеда, часа в два, и на этом расстались.

Честно сказать, не за этим я сюда приехал, чтобы с дамочками местными знакомства заводить и по музеям гулять, хотя и это не исключалось. Главным же для меня оставалось дело, а оно, пока с мертвой точки не сдвинулось, и это меня начинало беспокоить.

А дело состояло в том, что мне надо разыскать одного кадра. По рассказам тех, кто его знал, преподлейшего человека. Пару лет назад он «обул» своих товарищей по бизнесу на весьма внушительную сумму и смылся. И вот теперь, по их данным, он вроде бы объявился в Ялте, и моей задачей было узнать так ли это, а главное, если он в Ялте, то где живет, чем занимается. За это мне было обещано вознаграждение.

На проживание и расходы выдали аванс полторы тысячи баксов, временем не ограничились, главное – результат. А соблазнил меня на это дело брат, когда я оказался без семьи, без жилья и без работы.

Все это у меня было, но, когда мы с моей благоверной не нашли общего языка по вопросу, как жить дальше, все и случилось. Я оставил ей комнату с кухней в семейном общежитии города Армавира, где мы жили, и где я работал в техническом училище преподавателем, себе взял машину и подался на вольные хлеба.

Кроме преподавания я еще и неплохой электрик, поэтому, сначала шабашил в Подмосковье на строительстве домов для новых русских, удовлетворяя их изыски в освещении саун, будуаров и фонтанов, а потом подался ближе к югу и родне.

В Ростове встретился с братом, который и предложил мне это дело.

Вот так, в начале лета 2009 года я и оказался в Ялте. Но прошла уже почти неделя как я здесь, а объекта своего еще не встретил. Меня снабдили его фотографией, я изучил её досконально, и попади он хоть на секунду в поле моего зрения, я его засеку.

В поисках клиента я несколько раз на дню прогуливаюсь по набережной, где можно встретить почти всех, кто прибыл в Ялту, бываю регулярно на рынке, прохаживаюсь по пляжу, заглядываю в рестораны и кафе, но пока безрезультатно.

Вот и сегодня я прошел по всем маршрутам, купил на рынке зелени, занес её на квартиру, почитал на набережной прессу, изучил всех на пляже, пообедал, подремал, и направился на стоянку у цирка, где парковал свою машину.

Я спокойно шел по набережной, когда к одному из причалов подрулил остроносый черно-белый катер, весьма крутого вида. Такие красавцы носятся по экранам американских боевиков.

Утробно урча скрытой мощью, катер лихо осадил у стенки одного из причалов, и на пирс выпрыгнула фея в шортиках и маечке. А за ней вышел плотный, небольшого роста мужик с загорелой холкой, стриженный ежиком, в просторных шортах ниже колен и в линялой футболке. Под мышкой он зажимал светлой кожи портмоне, чуть ли не с портфель.

Мужик семенил на коротких ногах за красоткой, я при-

гляделся к нему, и меня точно током дернуло, это был тот, кого я уже не чаял и увидеть. Я крутнулся, отворачиваясь к витрине, точно он мог узнать меня, но краем глаза продолжал наблюдать.

И тут я заметил, как с катера сошел еще и “браток” – высокий, гибкий и ловкий. Он легко перемахнул через борт катера, а затем и через ограждение из труб, догнал толстячка и мягко, и пружинисто пошел чуть сзади и с боку моего клиента, держа его в поле зрения, и просматривая все пространство вокруг. Значит это его охрана, определил я.

Как и большинство людей, работающих вблизи проводов под напряжением, и кожей чувствующих их опасность, я отчетливо почувствовал и здесь эту опасность, исходящую от Длинного, как я окрестил для себя охранника.

Увидев все это, я бочком стал отходить к витрине, в стекле которого хорошо была видна набережная. Честно признаться, мне стало как-то не по себе. Я понял, что все будет не так просто, как это виделось в Ростове.

Девушка остановилась и, выяснив что-то у Николая – так звали моего клиента, направилась в сторону центрального входа на набережную. А Николай, потоптавшись, направился в неприметный проход между магазинчиками, где его поджидал Длинный. Разглядывая витрину, сместился и я, но так, чтобы не терять клиента из виду.

Быстро проскочив узкий проход, они нырнули в калитку, за которой сразу же начинались каменные ступеньки, выхо-

дящие на площадку за рестораном. И пока я выжидал, боясь попасться им на глаза, а потом поднимался, услышал звук мотора отъезжающей машины и увидел лишь зад темно-синего БМВ. Номер я не успел заметить – машина нырнула под горку и исчезла.

Я вернулся на причал, прогулялся у катера, постоял с праздным видом у трапа. Два мужика на корме играли в нарды.

– И сколько стоит прокатиться на таком звере? – спросил я.

– А за сколько договоримся, – сказал один, даже не взглянув на меня.

– К примеру, за червонец, – назвал я цену.

Один из мужиков хохотнул, а другой, двигая фишку, беззлобно сказал:

– За червонец вон на велосипеде можешь покататься, а у нас разговор начинается с сотни.

– Похоже, что вашего ослика мне не оседлать, – сказал я и отвалил.

По дороге к цирку я невольно вглядывался во все иномарки темного цвета, но ничего полезного для себя так и не увидел.

Я заехал за Бруклицыной, она, наконец, сняла свою униформу и в платьице выглядела даже мило. Мы выехали за город, на трассу и вскоре по указателю свернули влево, на неприметную дорогу, уходящую в лес. Через время дорога

стала извиваться и круто забирать вверх, в горы. А потом открылась меж гор красивая поляна, и за высокими соснами, как мираж, возник дворец.

Близко подъезжать было нельзя и мы, оставив машину, пошли к дворцу пешком. По дороге договорились, пока Марина будет разбираться со своими картинами, я осмотрю дворец.

Бруклицина скрылась за дверью служебного входа, а я, купив билет, пошел знакомиться с тем, как поживали наши цари на отдыхе.

В общем, судя по обстановке, жилось им неплохо. Выяснилось, что после революции и вплоть до развала Союза, это место для отдыха облюбовала для себя партийная и государственная элита. Так что недалеко они ушли от царей в обустройстве своего быта. Но, похоже, что украинская элита до него еще не добралась, и пока здесь был музей.

Потом я походил вокруг дворца, любясь его красотой и огромными соснами, постоял у пруда с лотосами. Подошла и Марина, распаренная и злая.

– Пару недель назад обещали заплатить, – в сердцах сказала она. – Не сезон, людей им мало! Крутиться надо, а не ждать, когда придут! Ладно, поехали, ни хрена с них не выбьешь, хотя бы картины никуда не задевали.

Она еще немного побурчала, но потом успокоилась. Я предложил поделиться частью своих командировочных, если ей сильно не в дугу. При знакомстве я сказал, что по за-

данию торговой фирмы изучаю спрос на товары. Предложение кредита немного взбодрило её:

– Да, в общем-то, вроде как терпимо, но если это возможно, – не откажусь, – как-то не смело сказала Марина. – Только если ничего не продам, то хоть самой ложись, – добавила она и смутилась вырвавшейся присказке. Искоса глянула на меня, а я сделал вид, что не врубился и Бруклицыну, похоже, это задело. Она примолкла, рассеяно глядя на дорогу.

Я высадил её у дома и одолжил 100 долларов, больше она брать не пожелала.

Как хорошо, что мы встретились с вами

На следующий день было тепло и солнечно, пляж ожил, а набережная еще больше наполнилась народом. Ночью к её центру пришвартовался плавучий отель – корабль “Принцесса Днепра”. И уже со второй половины дня на его борту играл оркестр, а через мощные усилители музыка заполнила все пространство вокруг.

К кораблю потянулся народ. Периодически музыка выключалась, и звучал призыв посетить бары и рестораны корабля, или поселиться в его каютах – номерах.

Я сидел в баре на набережной, выпил пива, и старался не пропустить ни одного проходящего, хоть мало-мальски похожего на моего клиента. Потом побродил по пляжу, любовался красотами моря, посмотрел на то, как развлекается народ, катаясь на дельтапланах и водных мотоциклах.

Я сидел в скверике, когда увидел его. Он шел в сторону гостиницы “Ореанда” в пиджаке и галстукe и с другой дамой. А сбоку и чуть сзади, делая вид, что он тут ни при делах, шел его телохранитель в майке и шортах и с сумкой на плече, в которой можно спрятать и пулемет. Они прошли к морю, постояли у парапета, потом зашли в ресторан. Длинный остался на улице, посматривая кругом и за своим боссом за

стеклом.

Парочка села у окна, но так, что хорошо была видна только дама. Я устроился неподалеку и все это видел. Несколько раз Длинный глянул в мою сторону, но я старательно смотрел на море. Мне стало тревожно, в таких играх мне еще не приходилось участвовать. Я встал и тихонько спустился к морю, смешался с народом на причале, и стал смотреть за телохранителем издали и вскользь краем глаза.

Где-то через час рядом с Длинным появился, и мой клиент с дамой, и они направились к стоянке машин. На этот раз сели не в БМВ, а в “Фольцваген”, и поехали в город. Значит, у него две машины, а может и больше, возможно и несколько лёжек, и моя задача, похоже, все больше усложнялась. А может плюнуть на все и укатить, пока цел, с такими, как Длинный, шутки плохи.

Мои раздумья прервал очередной попрошайка. Они тут никому прохода не дают, только и слышно: “Дай, дай”

– Могу доллар дать, с сотни сдача будет? – спросил я мужичка, в замызганной до ужаса ветровке и мятых штанах. Мужик оживился, и хитро косясь подсиненным глазом, сказал:

– Подождешь, принесу.

– Тогда, извини, мне некогда.

Я встал и направился к выходу с набережной.

Вечером Бруклицына снова рисовала портреты желающим, а я прогуливался с ее подругой Аллой, как она мне её

представила. Аллочке за тридцать, у неё все при всем, и как женщина она мне сразу понравилась. Смешливая разведенка, с девчонкой на руках, она работала бухгалтером в пансионате. Через час я уже знал её нехитрую биографию и почти все о пансионате, и о соседях по дому.

Мы выпили на веранде ресторана вина, а потом танцевали на причале у “Принцессы Днепра”.

Оркестр на верхней палубе старался во всю, а моя партнерша так прижималась в медленных танцах, и была так горяча, что мне тут же захотелось куда-нибудь в темноту, в свободный полет чувств и желаний.

Мы углубились в приморский парк, зашли за густые заросли каких-то душистых южных кустов. И здесь наши души и тела, под тихое сопение, охи и вздохи понеслись в рай...

Рядом за кустами бродил народ, гремела музыка, и София Ротару проникновенно пела о «червонной руте», которую не следует «шукать вычёрами», а я, порядком истосковавшись по женщинам, выделявал такое, чего и от себя не ожидал, да и от Аллочки тоже.

Уже потом, немного успокоившись, поправляя платье и прическу, Аллочка сказала, что никогда не думала, что в столь неуютной и тревожной обстановке, заниматься любовью так хорошо.

Мы вернулись на причал, я предложил выпить пива, но Аллочка отказалась.

– Возьми себе, а я у тебя отхлебну, – сказала она, и мы

так и сделали.

Я взял пива, мы присели на скамейку на набережной и прихлебывали по очереди из бутылки. От пива и пережитых чувств, тело моё наполнила приятная истома, и все вокруг было красиво, и вечер чудесный, и ни о чем думать не хотелось. Но через какое-то время я поймал себя на том, что по инерции ищу в толпе на набережной своего клиента, и настроение испортилось.

Мы пошли туда, где сидели художники. Половина из них уже ушла, но Бруклицына была на месте. Она подозрительно осмотрела Аллочку, мельком взглянула на меня, и как-то заскучала.

Интересно, а на что она рассчитывала, знакомя нас.

Бруклицына быстро справилась с собой, и подчеркнуто равнодушно слушала виновато-сладостное щебетание Аллочки о том, где мы были и что делали. Только дальше танцев у парохода и бутылки пива, в ее рассказе дело не шло, и все наши похождения на этом заканчивались. Но, похоже, что Бруклицына в это не очень-то верила, глядя на умиротворенное лицо Аллочки, да и мое тоже.

Мы собрали вещички художницы и направились домой.

Народу на набережной поубавилось, стало меньше и гонщиков на роликах. Желтые фонари на набережной разгорелись во всю, из кафе и ресторанов звучала музыка, и уходить не хотелось, но Бруклицына устала, а ей завтра рано вставать.

– Давай я за тебя с утречка порисую, – предложил я, – а ты поспи. Покажи, что и как. Я в школьной стенгазете карикатуры рисовал.

– Порисуй, – сказала она равнодушно.

– А что, мне давно хотелось попробовать масляными красками, да все случая не было.

– Попробуй, – устало сказала она.

– Да нет, я так, для разговора, лучше, чем у тебя при всем желании не получится.

ИКИЙ ПЛЯЖ И СТАТУЭТКА КИТАЙСКАЯ

Ночь прошла без приключений, а с утра я прогулялся на рынок, посидел в баре, на набережной, выпил пива. Потом полежал на пляже, разок окунулся, вода была еще холодной, посмотрел на то, как развлекается народ, катаясь на дельта-планах и водных мотоциклах.

Я сидел в скверике с журналом, а по аллее шла Бруклицина. В сереньком сарафанчике, какая-то вся неприметная. Она меня не видела, и трогать её мне не хотелось, но все же окликнул.

Марина увидела меня, приветливо махнула рукой, подошла. На мой вопрос – куда направляется, сказала, что просто гуляет. Я предложил пойти на пляж. Бруклицина скривилась и сказала, что на пляж она не ходит, а если и ходит, то не на городской, а куда-нибудь подальше.

– Чтобы мужики не приставали, – сказала она, хитро усмехнувшись.

«Дама не без юмора», – подумалось мне.

– Согласен, куда и подальше.

– У меня нет купальника с собой.

– Можно и без него, тут вот некоторые без верха загорают, нижняя часть, надеюсь, есть?

Бруклицина удивленно глянула на меня и, помедлив, сказала:

– Надеюсь, что есть.

– Ну, так что, идём, куда подальше...

Мы пошли через парк, спустились к морю и бережком вышли к тихому местечку у высокого каменистого уступа. Я постелил пляжное полотенце, которое таскал с собой в сумке, лихо разделся и прилег на него.

Бруклицина стояла рядом, глядела на море, потом сняла сарафан. Верха действительно не было, но не это было главным. То, что я увидел, не вписывалось ни в какие мои ожидания и предположения. Теперь было понятно, почему она не ходила на городской пляж.

Таких фигур ни до, ни после, мне не приходилось видеть. Точенная китайская статуэтка – вот первая мысль, что пришла мне в голову. Все было округло, пропорционально и идеально. Ни одного изъяна, ни одного изгиба, который бы хоть как-то выделялся или портил это произведение искусства, не было. Кожа была гладкая и точно светилась.

Я смотрел на это совершенство и глазам не верил, что все это можно упрятать в безликих и бесформенных кофтах, безразмерных джинсах и серых сарафанах, а главное – зачем?!

Мое неподдельное восхищение передалось и ей. Смущение тронуло лицо Марины, глаза её стали глубокими, и в этой потаённой глубине зажглись чуть приметные искорки.

– Теперь понятно, почему я не хожу на городской пляж, – сказала она.

– Да, тобой можно просто любоваться.

– Вот они и любят, а я комплекую.

– Никогда бы не подумал, что по этому поводу можно комплексовать. Другая бы на твоём месте давно что-нибудь рекламиривала.

– Я не люблю своё тело, любят им, а я хочу, чтобы любили просто меня: мой характер, ум, мои способности художника.

– Но для женщины, я полагаю, на первом месте, все же, как она выглядит.

– Ну не всегда, лично для меня это не главное, особенно после некоторых событий.

Она замолчала, смотрела на море, потом заговорила:

– Когда мы поженились, муж меня заставлял позировать чуть ли не каждый день, дипломную работу готовил, но не получалось. Он психовал, говорил, что у меня все слишком идеально, поэтому вместо живого человека получается кукла. И выходило, что тело моё в этом виновато.

Пришлось тему диплома срочно менять. И потом он пытался меня рисовать, но кроме скандалов и оскорблений я ничего хорошего по поводу себя от него не слышала.

– Да он просто ненормальный! Любой мужик с такой женщиной как ты, если, разумеется, подчеркнуть достоинства, даже пройтись почтёт за честь. И как художник, ты весьма талантлива. Я не специалист по живописи, но как любитель могу сказать, твои картины очень выгодно выделяются на об-

щем фоне местной живописи.

– Выходит, я женщина хоть куда!?

– Получается, что так.

– Ну, так и полюби меня, – хитро усмехнувшись, сказала

Марина.

– Что, прямо сейчас?

– Да... У тебя, как и у всех мужиков, вместо высокой и светлой любви – кровать. Так что пойдем лучше купаться...

Голыми руками гада не возьмёшь

Меня повязали на следующий день утром, когда я хотел взять машину со стоянки и прокатиться немножко по побережью. Было часов около девяти, перед этим я прогулялся по набережной и рынку, высматривая своего клиента, но они выследили меня первыми.

Я зашел на стоянку, снял чехол с машины, кинул его в багажник, открыл дверцу и тут меня крепко взяли за руку. В доли секунды ключ от машины оказался в руке Длинного. Я даже не сообразил, откуда он мог появиться, рядом, вроде как никого не было.

– Извиняюсь, в чем дело? – давя испуг, спросил я.

– Давай, садись, – сказал Длинный, резко проталкивая меня в машину на переднее сидение, что рядом с водителем. – Сейчас мы прокатимся, и ты объяснишь, какого хрена крутишься возле нас.

Он вставил ключ зажигания и повернул его. Надо сказать, что я люблю делать всякие штучки, вроде того же противоголоного устройства, которое и смастерил у себя в машине, но забыл предупредить об этом Длинного.

Он повернул ключ, и в миг сработало устройство, размещенное под сидением, выстрелив в задницу Длинного мощным электрическим разрядом, что не смертельно, но очень больно. Длинный подлетел на сиденье, приземлился, полу-

чил еще разряд и снова с воплем подлетел вверх.

Крикнув: “Прыгай, убьет!”, – я пихнул его в открытую дверку, и Длинный кубарем вылетел из машины. Выключив противоугонное устройство, я стремительно пересел за руль, завел мотор и, нажав на газ, вылетел за ворота стоянки, благо они были открыты. В зеркало я видел, как Длинный поднялся с асфальта и стоял, отряхиваясь, почесываясь, и приходя в себя.

Если Длинного шандарахнуло в задницу, то меня по мозгам. Я мчался по улицам, толком не зная, куда и зачем, пришел в себя уже за городом. Остановился на обочине, вышел.

Ялта была внизу, а дальше искрилось море под невысоким еще солнцем. Дельтаплан кружил у берега, нацеливаясь на посадку, а над городом по канатной дороге медленно плыли цветные вагончики. Я проводил их взглядом до верха, и сел в машину. Решение было одно: взять вещи, паспорт и домой. И тут же возник вопрос, а куда домой, и что сказать брату – перетрухал и сбежал?!

Да и задаток, возможно, придется вернуть, но это не страшно, большая часть денег еще цела, а потраченные можно и не возвращать, сказать: не видел, не нашел, пусть проверяют, посылают кого покруче. А ведь брат предупреждал – Коляна голыми руками не возьмешь.

Я включил приемник, близкая Турция транслировала свою музыку, и под ее заунывное звучание я провалился в сон странный и красочный. Сполохи яркого света и цвета

раздувались в огромные шары. Но вот цвета загустели, в них появилось больше красного и темно-зелёного, а пространство наполнялось глубиной и каким-то неуловимым смыслом, понятным лишь разуму и душе. Покой, с чуть приметной горчинкой тревоги, заполнил меня.

А затем цвета растаяли, и появился неведь откуда взявшийся текст. Подобное я видел и раньше, находясь то ли во сне, то ли в необъяснимой яви. Обычно текст шел каким-то потоком, но я понимал его смысл и, что интересно, он был на удивление ритмичным и можно сказать музыкальным.

Иногда это был научный текст, где звучали формулы и объяснялись какие-то технические решения. Но чаще текст был связан с историей. Бывало, что шли и потоки художественной прозы.

Но, очнувшись, только первые мгновения я еще продолжал осознавать смысл текста, а затем он начинал рассыпаться и в памяти оставались лишь какие-то обрывки мыслей и знаний, прозвучавших в этих посланиях, и что это такое вообще – оставалось загадкой.

Вот и сейчас я видел и слышал что-то подобное...

Главный герой – личность неординарная

Следует сказать, что повествование от первого лица имеет свои преимущества. Сказанное и написанное от своего имени воспринимается как более правдоподобное и мало кто сомневается, что не сам автор участник описываемых событий. Хотя еще Михаил Лермонтов в предисловии к «Герою нашего времени» предупреждал, чтобы его не отождествляли с героем его романа, как говорится «ничего общего».

Что касается недостатка описания от первого лица, то происходящее подаётся лишь глазами и ощущениями одного человека. Поэтому, чтобы не обеднять повествование, иногда мы будем смотреть на наших героев и, как бы со стороны. А еще у нас будут уходы «За горизонт событий», откуда, как утверждают учёные, возврата нет, но что там происходит, предположить можно.

И так, первое отступление с пояснением. В нем мы обратим внимание на некоторые, весьма любопытные черты нашего главного героя, от имени которого и ведется повествование, а для этого вместо – Я, впишем его имя – Виталий.

Так вот, Виталий был человеком неординарным, хотя бы потому, что у него постоянно и везде спрашивали «Сколько времени?». Особенно доставала ребятня, когда еще не были

так распространены мобильники. Спрашивали и взрослые, их не останавливало и очевидное отсутствие часов – будучи в футболке, иногда он снимал часы с руки и прятал их в карман.

А еще спрашивали о направлении – куда и как пройти, или проехать. Хотя опять же независимо от того был он в своём городе или в каком-нибудь другом. И что примечательно, спрашивали в людных местах, где выбор, у кого спросить, был.

Проявляли к нему повышенный интерес и совсем маленькие дети. Бывало, что они останавливались и с каким-то взрослым любопытством смотрели на него, или подходили и смотрели, точно пытаясь что-то понять или спросить. Не оставляли без внимания и бродячие собаки – подходили, виляли хвостом, выказывая своё расположение.

Была и еще одна особенность. Когда его кто-нибудь обижал, и это сильно задевало или как-то влияло на ход его жизни, то через время обидчик тоже получал, что называется по заслугам. Его переводили на нижеоплачиваемую должность или эту должность и вовсе ликвидировали, от обидчика уходила жена, у него издыхала любимая собака или он попадал в какую-нибудь передрагу, а то и в аварию.

В общем, случалось что-нибудь, о чем он узнавал и тихо радовался восторжествовавшей справедливости. Однако происходящее с собой никак не связывал, хотя один раз, что-то такое в голове, всё же мелькнуло, но он не придал этому

особого значения.

А вот одно из событий было для него не совсем понятное, но памятное.

На одном из концертов, где Виталий побывал, известная певица периодически соскакивала со сцены, пританцовывая, подходила к зрителям, в основном мужчинам из первых рядов обнимала их, а то и присаживалась на колени. И вот ему тоже вдруг страстно захотелось, чтобы она пришла и села ему на колени.

Певица это «услышала», только как – неясно. Но в очередной свой соскок, подпевая и пританцовывая, прошла почти через весь зал, с трудом протиснулась между рядами, и села ему на колени. При этом так припечаталась разгорячённым телом и промокшим насквозь чёрным платьем, что его рубашка и брюки, тоже стали влажными.

Продолжая петь, повернулась, на секунду их глаза встретились, искорка любопытства и удивления отразилась в них. Её губы оторвались от микрофона и слегка коснулись его щеки. А потом она встала, пробралась к проходу, оглянулась, улыбнулась, махнула рукой и побежала вниз, к сцене.

А его рубашка и брюки, влажные от её пота и пропитанные запахом её духов, продолжали тревожить его, и было такое ощущение, что они занимались любовью.

Но если говорить вообще о женщинах, то это, как говорится, отдельная песня. Женщин Виталий любил, и они его тоже. В женских компаниях он чувствовал себя на много ком-

фортнее, нежели в мужских. Женщины, собственно, и определили его сущность. Более конкретно на этот счет высказалась одна из мадам и в весьма интересной ситуации.

Он тогда еще работал в училище и был направлен в краевой центр на двухнедельные курсы повышения квалификации. Курсы в основном касались педагогики и воспитания, поэтому большинство составляли женщины, завучи школ по воспитанию, и в таком окружении Виталий чувствовал себя прекрасно.

Познакомился он здесь со многими, но одна яркая брюнетка, по имени Ольга, сразу же взяла инициативу в свои руки. Предложила сходить в кафе, вечером погулять по городу, а на второй день, без предисловий сказала:

– Слушай, а не согласился бы ты стать для меня донором спермы?

– Как это, донором спермы? – удивился он. – Это что, шутка!?

– Нет, вполне серьёзно. Понимаешь, у мужа проблемы, если говорить медицинскими терминами, его сперматозоиды весьма медлительные и не очень активные, поэтому не в состоянии проникнуть в яйцеклетку, – сказала она и, усмехнувшись, добавила. – А если и проникают, то там же и засыпают. В общем, мне нужен донор. Для тебя последствий никаких, все будет абсолютно безымянно и легально, в том смысле, что это будет делаться здесь в Центре семьи.

Они мне предлагают обезличенную сперму, которая у них

имеется, но я боюсь, кто её сдавал – большой вопрос. Друзья и знакомые на эту роль тоже не подходят, ребенок, все-таки родится, и как тогда быть. Ну, а с тобой все просто, ты уедешь в одну сторону, а я в другую и, поминай, как звали.

– Честно сказать, в подобных авантюрах никогда не участвовал, и почему я, тут и другие мужики есть?

– Последнее время я тем и занимаюсь, что присматриваюсь к мужчинам на предмет донорства. Но когда я увидела тебя, то одного взгляда было достаточно, чтобы решиться. Понимаешь, у тебя есть какая-то тайна, что притягивает взгляд.

Поясняю. Вот ты идешь по улице, а навстречу движется поток людей и вдруг, среди них ты видишь человека, в котором есть какая-то неопределенная черта, которая отличает его от других людей и это притягивает твой взгляд.

Это не зависит ни от роста, ни от веса, возраста или каких-то других внешних данных. На такого человека хочется смотреть, но ты не смотришь, отводишь глаза, однако продолжаешь чувствовать, как он проходит рядом, и незаметно поглядываешь на него. Наверняка и с тобой такое бывало.

– Да, встречал я таких людей, и про себя отмечал: «Интересный кадр». Чаще это были мужики, но попадались и женщины, за которыми просто хотелось бежать. Но никогда не думал, что и я могу быть для кого-то таким кадром.

– Можешь, не сомневайся, ты такой человек – я это увидела и почувствовала сразу.

– Теперь понятно, почему у меня постоянно про время спрашивают и как пройти куда-нибудь, а еще дети малые, разинув рот, смотрят, и бездомные дворняги хвостами виляют.

– Вот видишь, и у детей, и у собак, да и у взрослых интерес к тебе на уровне подсознания. Им хочется поговорить, постоять рядом, вот они и спрашивают первое, что приходит в голову.

Когда я встретила тебя в коридоре, мне тоже захотелось остановиться, но прошла. Я не знала, что ты с нашего курса, а потом увидела в аудитории и мысль о донорстве уже не покидала меня. И потом, я заметила, ты не куришь, и выпиваешь, надеюсь, в меру.

– Да, это так. Пью редко, да и по чуть-чуть, для удовольствия. Ну и пиво обожаю, но опять же – пару бутылочек или кружку.

– Вот видишь, ты со всех сторон подходишь для такого ответственного дела.

– Но донор спермы, звучит как-то не очень, – сказал Виталий с усмешкой, и добавил, – а не проще снять номер в гостинице и встретиться под одеялом.

– Согласна, что это проще, но результат непредсказуемый. А врачи Центра из спермы выбирают самых активных сперматозоидов и вводят непосредственно в яйцеклетку во время её полной готовности к оплодотворению.

– Ну и что для этого надо, чисто технически, если я соглашусь? Хотя, все-таки меня напрягают последствия. Предпо-

ложим, твой муж психанет, скажет ребенок не мой, уйдет, а мне что, алименты платить?

– Не беспокойся. Сперма будет оформляться через Центр семьи, а у меня с этой организацией договор, который и муж подписал – по нему претензий не предъявишь. Так что, при любом раскладе, ты будешь в стороне. Что касается самой процедуры, то тебе придется сдать кровь на венерические заболевания и сперму на анализ, и если все в порядке, тогда второй раз сдашь непосредственно для меня. Кстати, я не спросила, у тебя дети есть?

– Пока нет, жена – против, говорит, рано еще. В общем, предохраняемся всякими способами, хотя один раз, «залетела», какой-то мини аборт делала.

– Ну, так как? Что скажешь? – спросила она.

– Если бы ты не была такой привлекательной, наверное, не согласился. Ну а после того, что ты тут мне про меня рассказала, и отказаться вроде бы неудобно.

– Значит, согласен! И, Слава Богу, гора с плеч! Я ведь по жизни трусиха, да и не привыкла у мужиков что-либо просить, а тут такое. – Она взяла его за руку и легонько сжала её.

А потом они поехали в Центр семьи, где у него взяли из вены кровь и направили в подвальную часть здания. Повела их туда медсестра, открыла комнату, включила свет, дала небольшой пластиковый стаканчик:

– Сольёте сюда и отдадите Оле, она отнесет в лабораторию. Можно и журналы с картинками посмотреть, если что,

они в тумбочке, – сказала медсестра и ушла.

Наступила тягостная тишина, они не смотрели друг на друга. Виталий достал журналы, стал перелистывать. Голые красотки в разных позах и ракурсах напряжения не снимали, а тем более не возбуждали. Молчание затягивалось.

– Ну, так что? Мне выйти, сам этим займешься или помочь? – спросила она.

– Вдвоём конечно веселее, – сказал он, подошел к двери и закрыл её изнутри.

Потом обнял Ольгу сзади и поцеловал в шею, руки его скользнули вниз, подхватили юбку и подняли её на талию.

– Только момент не прозевай, – шепотом сказала она, повернулась и тронула губами мочку его уха ...

Момент Виталий не прозевал, слил все до капли. Ольга посмотрела стаканчик на свет, сказала:

– Почти полный. Мой муж покрупнее тебя, а больше половины не наливал. Будем надеяться, что и качество этого эликсира жизни хорошее.

Через пару дней Ольга сказала, что анализы готовы.

– Венерических заболеваний не обнаружено, а про сперму врач сказала, что от такой с трех метров забеременеть можно.

Второй раз сперма понадобилась дней через пять. Ольга сказала, что по всем признакам, а её контролировали врачи, время пришло. И они снова поехали в Центр. Его ожидание и надежда, что все будет, как в и первый раз, в высшей степени

приятно, оправдались, хотя и не совсем так, как он думал.

– Заниматься сексом мне сегодня нельзя, но помочь могу, – сказала Ольга и, улыбнувшись, присела, расстегнула молнию на его брюках и ... довела все до нужного состояния.

Закончив процедуру, она поднялась, сказала спасибо, поцеловала его в щеку.

– Меня можешь не ждать, когда освобожусь, не знаю, так что пока! – и, махнув на прощание, исчезла.

Больше Виталий её не видел.

Уезжая с курсов, решил на всякий случай уточнить в канцелярии, из какого она района и номер школы, и как оказалось, не зря. И район, и школа были не теми, что она называла ему в разговорах.

«Ай да, Ольга Александровна! Шифровалась с самого начала, хотя, наверное, все и к лучшему», – решил он. Однако на следующий год, весной не выдержал, позвонил в школу, про которую узнал в канцелярии и услышал, что такого преподавателя у них нет. Нашел и ту школу, о которой она говорила, но результат был тот же. На этом он и успокоился, хотя осадок остался, вроде как обманули.

Однако с той встречи у него изменилось отношение и к себе. Он стал более внимательно относиться к взглядам, что ловил на себе, а иногда и подыгрывал, если это была женщина.

В людных местах – на рынках, в крупных магазинах, встретив такой взгляд, глаз не отводил, а продолжал смот-

реть и видел, как некоторые мадам замедляли движение, останавливались, делали вид, что их что-то заинтересовало из товара, но продолжали искоса, мельком смотреть в его сторону.

Некоторые, встретившись взглядами, начинали быстро моргать и отводили глаза, чаще почему-то вверх. А были и такие, что начинали ходить кругами, и лишь, когда Виталий делал вид, что потерял к ним интерес, уходили.

Некоторые женщины были и с мужьями, которые терпеливо ждали их поодаль, пока те пытались понять, что происходит и что их так притягивает к этому, в общем-то, и не столь видному мужичку.

Если говорить о его внешности, то роста он был чуть выше среднего, плотного телосложения, но без лишнего веса, волосы русые, густые, коротко стриженные.

Что касается одежды, то носил Виталий в основном джинсы и футболки, четко прорисовывающие неплохую мускулатуру крепких рук и ног. Зимой предпочитал свитера и пуловеры, а сверху куртки. И в принципе, выглядел неплохо.

Да, забыли о лице, оно было овальное, правильное. Нос прямой, крупноватый, губы четко очерченные, а глаза карие – умные и внимательные, в которых, возможно, и скрывалась та неопределенная таинственность, что и притягивала окружающих.

И еще, Виталий стал иногда задумываться, зачем ему природой даны эти непонятные никому особенности, и как их

можно применить, кроме выполнения роли ходячего справочного бюро? Но потерпим, и на этот вопрос мы тоже постараемся найти ответ.

На этом наше отступление с пояснениями закончим, возвратим главному герою его – Я, и посмотрим, что там происходит в машине.

...Еще некоторое время я парил в вышине и невесомости. Но вот стал чувствовать руки, ноги. Открыл глаза, солнечный луч ударил в них и ожог светом. Я зажмурился, полежал, потом встряхнулся и начал размышлять.

Похоже, что Длинный не испугался, а разозлился, он знает машину и меня и будет искать. Значит, дома появляться не следует. Спрятать машину – не проблема, но вот куда деть себя? Я вспомнил Марину, почему не Аллочку, не знаю. Наверное, мозг сам, проанализировав все, решил, что Марина в этой ситуации более надежна, и поехал к ней.

Бруклицина была дома, моему появлению не удивилась. Она дописывала очередную картину с чеховскими дамочками на набережной и я, наконец, увидел, с кого писались эти дамы под белыми кружевными зонтиками. В комнатке стоял манекен, одетый в женский наряд начала 20 века, а на столике были разложены старые фотографии и гравюры барышень тех лет.

– А что делать, – сказала Марина, усмехаясь, – с подобной натурой сейчас проблемы. А тут все, можно сказать под рукой, и денег не просит. Платье в чеховском музее выпросила,

все равно оно у них в подсобке пылилось, а так хоть народ увидит, что носили женщины в те времена.

Мы еще поговорили о том, о сём, и, не знаю почему, но я все ей рассказал.

Марина отнеслась к сообщению спокойно, оно её никак не касалось, и Марина дала это понять. А потом, то ли шутя, то ли всерьез, предложила:

– А хочешь, я тебя загримирую, мама родная не узнает. Одно время я гримером в театре подрабатывала, да и студентами этим баловались. Бывало, размалюемся, одежду, соответствующую напаялим, и дурачимся. Никто не узнавал. У меня где-то и краски для грима есть.

– А мне что это даст?

– Продолжишь свое наблюдение, может чего и выяснишь.

Я подумал и согласился, все равно ничего путного в голову не лезло, и мы тут же в деталях разработали план дальнейших моих действий.

Машину решено было спрятать на территории пансионата, где работала Аллочка.

– Сторожу заплатишь, и будет надежнее, чем на стоянке, – сказала Марина.

Надо было сменить и квартиру. Марина дала несколько адресов рядышком.

– И гримироваться будет удобно. Утречком зайдешь, я пару фингалов тебе нарисую – и вперед.

Уже в сумерках я подъехал к дому, где жил, собрал вещи,

рассчитался с хозяйкой, потом вместе с Аллой мы устроили и все остальное. А перед тем, как оставить своё авто в пансионате, мы покувыркались с Аллочкой на заднем сидении. И после тяжкого дня это было такое удовольствие.

А на самой вершине блаженства, когда телесность исчезла, и лишь чувства владели мной, я вдруг ощутил потрясающую легкость и вместе с ней уверенность в себе. Это было как просветление, я осознал, что справлюсь со всем и все смогу. Странно, но этого ощущения и такой уверенности раньше не было.

В образе алкаша рисуем картины маслом

На следующий день мы недолго ломали голову над моим новым образом – свободный художник бомжеского вида. Серые мои брюки пришлось хорошенько потоптать и испачкать красками, это же было проделано и с цветной рубахой.

По моему небритому лицу, веселясь, Марина прошлась цветной пудрой и красками, и физиономия приобрела пунцово-синюшный оттенок не просыхающего алкаша. Оттенила она и брови, и круги под глазами. Волосы слегка смазали кремом и взлохматили, а сверху надели умопомрачительную панаму.

Я глянул в зеркало и с трудом узнал себя. Марина дала мне свой старый этюдник, краски, кисти и подрамник с холстом, прибитым кое-как. Показала, как это все устанавливается и используется.

– Холст уже загрунтован так, что можешь малевать, чего душа пожелает – сказала она. – Выбери место где-нибудь наверху, или у моря и самовыражайся. Ходить можешь, слегка прихрамывая, за щеку сунь орех или конфету и смело разговаривай хоть с самим Длинным. В его дубовую башку и мысли не придет, что это ты.

Не скрою, мне иногда хотелось побыть кем-нибудь, кро-

ме себя: перевоплотиться, поиграть. И сейчас такая возможность представилась. И хотя я делал вид, что подобное мне не по душе, но это было не так. В данной ситуации, так выглядеть мне даже нравилось. И предвкушая игру не на сцене, а в жизни, где проигрыш может дорого стоить, я еще больше заводился.

Перекинув через плечо этюдник, слегка подволакивая ногу, я вышел на улицу. Надел очки и спрятал глаза, которые могли подвести, и стало мне легко и свободно.

В первой же забегаловке я купил пива, перед этим долго и со вкусом рылся в карманах, выуживая мелочь. Потом небрежно пил и базарил с мужиком, чуть почище меня, о погоде и высоком искусстве. Как оказалось, мужик кое-что знал о малярных делах и поделился этим со мной, рассказав, чем лучше всего отмывать кисти.

Пиво добавило в мою душу тепла и раскованности. Я пошел по улице, чуть выше набережной, придирчиво осматривая все вокруг, и не только на предмет места для наблюдения, а скорее в поисках вида, чтобы рисовать, и нашел. С этого места был виден центральный вход на набережную, порт, а главное – большая часть моря. Да и место было тихое, непроходное.

Расставив все и закрепив подрамник, я стал смотреть на море, и на то, как все это выразить в красках. И тут, впервые в жизни, я сделал для себя открытие, оказывается, море не синее и не голубое. В нем было смешано столько цветов, что

и не определить, каких больше. А еще все цвета неба были в нем, но больше всего в море было солнца. Его свет разлился по всей поверхности, искрился и переливался.

Меня увлекла игра цвета, и я решил, что это и надо рисовать. Но вот как? Я попробовал делать это кисточками, а где не получалось, подмазывать пальцем и вдруг понял, что рисовать пальцем мне удобнее.

Я выдавливал краску из тюбика на картонку, смешивал её пальцем и наносил на холст. Смотрел на море и добавлял тех красок, что по моему дилетантскому разумению не хватало на картине. Меня это так увлекло, что я забыл обо всем. Я не видел людей, что проходили рядом, не видел того, что делалось на набережной и у входа на неё.

Потом, когда море вроде бы получилось, я взялся за набережную и за дома на ней. Пальцем рисовал фон, а затем подрисовывал кисточками. Соскребал, вытирал тряпкой и снова рисовал.

Пришел в себя от того, что почувствовал голод, день уже клонился к вечеру. А картина вроде получилась и была она яркая и горячая, по крайней мере, мне так казалось.

Тревожно и радостно было на душе, я сделал то, чего никогда в жизни не делал и даже не предполагал, что смогу.

Собрав вещички, поковылял домой, а точнее к Марине. По дороге купил поесть. Марины не было, и я расслабленно сидел в тенечке у дома, жевал пирожки, запивая молоком из бутылки.

Марина появилась минут через двадцать. Спросила, как дела, и я молча показал картину. Она глянула, удивилась:

– А говоришь, никогда красок в руках не держал, – с сомнением сказала она, рассматривая моё первое художественное творение. – Странно, но у тебя получилось и неплохо. Импрессионистами никогда не интересовался? Ну, пойдём, рамку подберём.

Мы зашли к ней в комнату, Марина поискала в углу и подала раму:

– Эта должна подойти.

Я вставил в неё картину, и она преобразилась, стала законченной вещью.

– И что думаешь с ней делать?

– Завтра понесу продавать, надо же оценить свои неожиданные способности в денежном эквиваленте, а за одно, возможно и клиента своего увижу.

– Карину попроси, она там моими картинами торгует и не только ими, берет на реализацию и у других.

– Ну, нет! Лишаться такого удовольствия не хочу, сам поторгуюсь.

– Кстати, держи 100 долларов, что должна, несколько картин купили, – сказала Марина, подавая деньги, и добавила. – А одну, между прочим, для музея в Харькове приобрели, по крайней мере, так сказал мужик, что покупал.

– Что ж, поздравляю, а деньги оставь. Это будет платой за краску, прокат этюдника, рамку, ну и макияж.

– Как скажешь, – сказала Марина и убрала деньги в карман.

Солидный клиент с серьёзными намерениями

Рынок картин и поделок начинает работать ближе к полудню, поэтому на следующий день с утра с этюдником через плечо я слонялся по городу в поисках своего клиента. Присматривался и к местам, где можно порисовать. И нашел такое место, но рисовать не хотелось.

Прогуливаясь по городу, я начинал осознавать и бесцельность своих поисков. Ну, увижу я его снова, а если повезет, то узнаю, где живет, а что толку? Здесь надо придумать что-то другое.

Если предположить, что он покупает недвижимость, то должен будет решать это через фирмы, занимающиеся недвижимостью или через городскую мэрию, юстицию. Сведения эти конфиденциальные, но чиновники везде одинаковы. Значит, для начала надо прочесать конторы, занимающиеся недвижимостью.

В ближайшем справочном мне выдали адреса наиболее известных подобных контор и, не затягивая дело, я наведалься в одну. Людей было немного, потолкавшись в коридоре, изучив объявления на стенде, я заглянул в одну из дверей. Дамочка за столиком мило улыбнулась.

– Я, извиняюсь, меня попросили узнать через вашу фирму

можно купить, к примеру, санаторий или часть санатория, пансионата или что-то похожее, в общем, серьёзную недвижимость?

– Если клиент солидный и намерения имеет серьёзные, то все можно.

– Меня просил об этом человек весьма серьёзный, но он здесь не живет, и просил узнать, возможно, ли такое приобретение?

– Я же сказала, что все это вполне решаемо.

– А документов для этого много надо, может кто-то уже имеет опыт такого приобретения, и моему знакомому с таким проще поговорить, как вы думаете? – И я как можно наивнее заглянул дамочке в глаза.

– Может и проще.

– А не подскажите, к кому конкретно можно обратиться?

– Это информация закрытая, обратитесь к юристам.

– Понимаю. Вы не обязаны на такие вопросы отвечать, но, чтобы мне зря не бить ноги по городу, помогите. – И я подсунул под перекидной календарь на столе 50 гривен. Дамочка усмехнулась, внимательно посмотрела на меня, сказала:

– Ходил тут недавно один, санаториями и пансионатами интересовался, и мы ему кое-что подобрали, но потом исчез, похоже, конкуренты что-то лучшее предложили.

– И кто эти конкуренты?

– Не знаю, я не вникала.

– Но может кто-то из ваших сотрудников знает? – спросил

я и подсунул под календарь еще десять гривен.

Дамочка быстренько убрала деньги в стол и вышла. Возвратилась минут через пять, сказала:

– Вот тут несколько фамилий, что с нами работали, а некоторые из них в другие фирмы ушли, в основном во «Влад». Я глянул в список из семи фамилий и увидел там Николая Николаевича Ходырева.

Признаться, на такое везение не рассчитывал. Летел с конторы как на крыльях, забыл, что и хромать, но потом опомнился и привел свой эпатаж в соответствующее состояние.

Рынок только начал собираться и я, пристроив свою картину под навесом, собрался уже и расслабиться, как меня попросили убраться, сказали, что место занято. Пришлось перейти на самый край. Но и туда, через полчаса пришли два парня и сказали, чтобы проваливал или платил за место.

– Мужики, без проблем. У меня одна картина, продам, заплачу. Мне бы организм поправить и все.

– Ладно, сиди, но продашь, нас найди, мы там будем, – и они показали где.

Солнце пригревало хорошо, и только ветерок с моря приносил прохладу. Публика прогуливалась меж картин, но меня никто не тревожил. Проходя, останавливались, смотрели и уходили. Уже к концу дня появилась пара пожилых иностранцев, англичане или американцы. Стояли, смотрели, обсуждали. Потом ушли, но, обойдя ряды, снова вернулись.

Я подошел к ним, поздоровался и написал на бумажке

– 350. Они кивнули, но продолжали обсуждать. Я выждал немного и написал – 300. Мужик написал – 280. И я согласился.

Пожилая дамочка отсчитала 280 долларов и отдала мне. Этого я не ожидал, рассчитывал на гривны, а получил баксы. Сунув быстренько деньги в карман, я отдал им картину.

За магазинчиком я нашел тех ребят и на их вопрос, за сколько продал, сказал, что за 200 гривен.

– Можно было и поторговаться, но душа горит, – сказал я и скривил такую страдальческую рожу, что при моей раскраске это было очень к месту.

– Ладно, гони пятнадцать – и свободен. А будет еще что, на это место и становись.

– О, кей! Так и сделаю.

Я отдал деньги и пошкандылял с набережной.

Возвратился на свою новую квартиру, принял душ и ослабленно лежал на кровати. Это пристанище было лучше прежнего: комната с балконом, отдельный вход и хозяйка появилась лишь один раз, чтобы получить деньги и исчезнуть. Все было отлично в бытовом плане, но радости не доставляло, похоже, что я загнал сам себя в угол. Как теперь выйти на улицу, посидеть в кафе, погулять на набережной. В таком прикиде, как мы придумали, разве что пустую бутылку дадут или пинка под зад.

Почти три сотни баксов лежали на столе, но и они не грели душу. Мне жалко было картину. Вряд ли удастся еще на-

рисовать что-то подобное. Ну, а на доллары девчат в ресторан надо бы сводить, обмыть это дело, только как?

Я встал, глянул в зеркало. Трехдневная, темная с рыжиной щетина покрыла лицо. Взял бритву и кое-где подправил порось, и получилось даже и ничего. Одедся, напялил кепи на глаза, темные очки и дворами направился к Марине.

Дуракам и новичкам везет...

и не только в рулетку

На веранде, мучаясь с молотком, гвоздями и щипцами, Марина прибывала холст к подрамнику. Я поздоровался, молча отобрал у неё инструмент и принялся за работу.

Марина присела на диван, смотрела, молчала, потом спросила про картину.

Я вытащил из кармана 280 долларов, сказал:

– Американцы купили.

– Ни фига, себе! Ты, часом не волшебник. Тут училище заканчиваешь, корячишься над картиной, чуть ни языком вылизываешь, а от неё еще и морды воротят. А он первый раз в жизни краски взял, пальцем намазюкал, и на тебе – 280 долларов. Это же больше двух тысяч гривен!

– А это, наверное, как игра в рулетку – дуракам и новичкам везет. Вот и мне подфартило. Надо бы отметить мое необычное проявление таланта, только в каком виде в кафе пойти?!

– А давай мы из тебя шотландца сделаем. Волосы покрасим в рыжий цвет, юбка в клеточку у меня найдется, а на голову – кепочку с помпоном.

– Насчет рыжего и кепочки – согласен, а вот с юбкой сложнее. Я слышал, что шотландцы под юбку ничего не надевают,

может все-таки шорты в клеточку?

Мы так и сделали – из юбки Марины в широкую красную клетку, сварганили просторные шорты. От моей белой рубашки отрезали обшлага на рукавах и белые пуговицы заменили темно-красными. Нацепили на нос круглые с металлическими обводочками светозащитные очки, и получилось даже стильно, а для меня и забавно – новая роль.

А перед этим покрасили мне волосы на голове и даже на груди, предлагалось и в другом месте обновить цвет, но я отказался. Взбили хохолок, слегка подсинили глаза, и стал я шотландцем, хотя и довольно странным. Но для Ялты, где их редко кто видел – решили, что сойдет.

К окончанию моего перевоплощения подошла и Аллочка, которой позвонила Марина по моей просьбе, и уже втроём мы и направились на набережную, где дамы, подхватив меня с двух сторон под руки, веселились и подкалывали. Мы немного погуляли у моря, а затем и устроились на открытой площадке одного из ресторанов.

Вечер прошел в теплой обстановке, только вот с дамами было не все понятно, обе претендовали на большее внимание, а я был один. И какая-то пошла меж ними игра. Я не стал вникать и сделал вид, что мне все это пофигу, хотя на самом деле было не совсем так.

Аллочка меня устраивала, как женщина, а вот Марина была умнее, интереснее, сильно зацепила и её фигура. Даже просто подержать такую красоту в руках – многого стоит.

Но здесь напрягала дистанция, которую установила Бруклицына в наших отношениях, и хотя она не была очевидной, но чувствовалась. Особенно после купания, где я проявил неподдельный интерес к её телу, но, как она считала, опять же, не к ней. Поэтому я и не предпринимал попыток сблизиться, понимал, что это пока бесполезно. Возможно, что и Аллочка проболталась о наших прегрешениях, что тоже не в мою пользу.

Но их игра и мои умозаключения никак не повлияли на вечер, мы хорошо повеселились. Затем проводили Аллочку, она жила ближе, а потом пошли к Марине. И тут, совершенно неожиданно, Марина предложила:

– Зайти не хочешь, чаю или кофейку попить, – её голос дрогнул, она глянула мне в глаза. Еле уловимая тревога и ожидание повисли в воздухе. Марина на секунду напряглась, но я шагнул навстречу, легонько обнял, взял под руку, и мы пошли пить кофе.

А потом я обнаглел и попросился в душ. У Марины была отдельная пристройка, в которой был душ, да и мой грим был уже ни к чему, и вообще надо было привести себя в порядок.

Потом Марина пошла в душ. Я выключил свет, за окном светил фонарь и в комнате было относительно светло. Марина возвратилась, на ней, кроме полотенца вокруг бедер, ничего не было. Я сидел в кресле, она подошла, я сдернул с неё полотенце, и обнял прохладное и еще влажное тело, и стал целовать.

...Это была одна из самых занятных и незабываемых ночей. Сначала она была наполнена чувствами – поцелуями, легкими прикосновениями, а потом, становясь, все горячее и горячее, наполнилась таким накалом страсти, что сердце и душа просто улетали.

Ищите женщину, и приключение вам обеспечено

Как оказалось, радость моя по поводу списка, в котором был и мой клиент, оказалась преждевременной. Помыкавшись по городу и по различным конторам, никаких следов господина Ходырева я не нашел.

Возможно, что его и в Ялте уже не было. Мест в Крыму, где можно что-нибудь прикупить предостаточно, да и скорее всего, все же я их спугнул. Хотя Длинный так и не выяснил до конца, кто я на самом деле. Но все это мелочи, что дальше делать, вот главное, а с этим пока тупик.

И вот сижу я на набережной в роли бомжа – художника с бутылкой пива и размышляю, а точнее, ни о чем уже и не размышляю, потому как обо всем, кажется, уже передумано.

Сижу и вижу – идут три красотки, одетые лишь в узенькие полоски – одна сверху и посередине, и о чем-то щебечут. А я люблюсь ими и замечаю, что одна вроде с того катера, что подрулил к причалу, когда я впервые встретил Коляна. Присмотрелся – точно она. Стоп, дорогой Виталий, а ведь французы не зря говорят: «Ищите женщину!».

Они прошли, и легкое дуновение от молодых красивых тел подняло меня и повело по их следу. Девчата зашли в кафе, купили мороженого. Я отошел подальше и подождал, ко-

гда они закончат с ним.

Потом они вернулись на пляж и еще с час загорали, а затем направились в город. Завернули на рынок, купили фруктов и направились дальше, на этот раз уже напрямиком на квартиру, а жили красотки недалеко от Собора.

Я проводил их, обошел святую обитель вокруг, подыскал подходящее место, с которого виден дом, установил этюдник и принялся рисовать Собор. И начал делать это по науке, которую преподала мне Бруклицына. Сначала прорисовал карандашом контуры здания, а потом уже взялся и за краски.

Я раскрашивал купола, когда к дому подрулила машина, в которой я сразу узнал БМВ, что исчез тогда за рестораном. И тут же из дома вышла принаряженная Фея с катера, запрыгнула в машину, и они укатили. Наводка французов сработала – и на удивление быстро.

Значит у Коляна сегодня парадный выезд, а в ресторане, скорее всего, была деловая встреча, но не исключается и наличие еще одной подруги, и надо быть повнимательнее, может и она мелькнёт.

Делать было нечего, я собрал вещички и зашел в Собор. Полумрак, тишина, редкие свечи на высоких подставках-подсвечниках, запах ладана – всё это умиротворяло. Шум города, хлопоты и невзгоды остались за тяжёлой дверью, хотя и распахнутой.

Я медленно двинулся вдоль стен, разглядывая иконы, и пытаюсь вспомнить, когда и где бывал в церкви. И, как ока-

залось, не так уж и часто – в детстве, с бабушкой Верой, а еще в Болгарии и Питере с экскурсиями.

А в одном из проходов поднял голову и увидел икону Иисуса, сидящего на камне, на фоне заходящего в пустыне солнца и стало как-то тревожно. Вспомнилось, как впервые увидел такую же картину, только огромную в Третьяковской галерее, когда школьником вместе с ребятами был на весенних каникулах в Москве.

Картина поразила меня. Впервые от увиденного мурашки пошли по телу. И потом, когда где-нибудь попадалась на глаза репродукция этой картины, я испытывал странное чувство тревоги и какой-то непонятной сопричастности с этим местом в пустыне.

За горизонтом событий. Полет над землей и голова на блюде

Первые две недели пребывания Иисуса в пустыне заканчивались, и голод становился для него одним из основных испытаний. Помогали молитвы, да вода, которую Иисус пил из родничка, сочившегося под одним из уступов. Но вот лепешки Сусанны всё же соблазняли.

Сделанные из ячменной муки и высушенные до сухарей на большом камне, они хрустели на зубах девушки, что не могло не действовать. Поэтому Иисус брал посох и уходил. Он поднимался на уступ, где бывал по утрам и ближе к закату, и где можно было увидеть духов тьмы и света, что появлялись из кроваво-красного пространства, в которое погружалось солнце.

Вот и сегодня, солнце скрылось за горизонтом и стало прохладно. Гряда невысоких гор на краю каменистой пустыни из желтоватой стала оранжевой, а в легкой дымке у кромки земли проступили контуры. Они были размытыми, и трудно было понять, что это.

Иисус сидел на небольшом камне, на горе, вглядывался в желтоватую дымку на горизонте и страстное желание заглянуть за этот край, наполнило его.

И точно подчиняясь этому желанию, очертания стали чет-

че и яснее, и он увидел проступившую картину, а на ней реку и берега, поросшие деревьями и себя, стоящего в воде рядом с Иоанном – сыном своей тети Елизаветы.

«Так это же мы на Иордане в день крещения», – подумал Иисус и не удивился потому, что это было не первое его видение здесь.

...На третий день пребывания в пустыне, когда закатный луч слегка ослепил глаза, и он прикрыл их, то увидел себя подростком в Иерусалимском храме, где разговаривал со священнослужителями и просто любопытными. Речь шла об устройстве общества и о равноправии людей перед Богом, о некоторых заповедях Моисея и учениях Торы, а еще о мироздании, о смерти и бессмертии.

Он говорил тогда, что звезды на небе большие и круглые и земля круглая, а солнце не затухает за горизонтом, и если идти за ним, то можно появиться здесь же, обойдя землю вокруг. Всё это он видел, когда на грани сна и яви улетал в непостижимые высоты.

Говорил Иисус и о том, что душа бессмертна, и после кончины тоже уходит на небеса. И подтверждая сказанное, он тогда впервые добавил слова: «Истинно говорю – душа там».

Иисус помнил об этом случае в храме, хотя подробности давно забылись. А сейчас все вдруг всплыло перед его глазами, и видел он это как бы со стороны и сверху – четко и ясно. Даже выражения на лицах присутствующих были видны – любопытство, сомнение, а то и явное неприятие.

Вспомнил он и слова, что они тогда говорили: обманщик, выдумщик, а некоторые вообще смеялись над ним и говорили, что не надо слушать мальчишку, а гнать взашей, однако сами этого не делали и не уходили.

А потом один из священников позвал его за собой, увел в прохладный закуток храма, где серьёзно спросил:

– а теперь скажи, только честно, придумал про звезды, землю, душу?

– Я всё это видел, я там был, только вот как – не знаю.

– Может тебе это приснилось?

– Может и приснилось, но наверху действительно все круглое, а звезды горячие и большие, а еще там нет времени, оно есть, но другое, его можно даже потрогать.

– Как это потрогать?

– Оно такое, как вода, только это не вода, но в него можно войти и выйти в каком захочешь времени и месте.

А еще Иисус рассказал, что он видит души некоторых людей:

– Они как легкий голубоватый туман вокруг человека, – пояснил он. – У кого-то это свечение побольше, а у кого-то поменьше, а у некоторых и вовсе душа чуть-чуть светится. Если же человек болен, то душа у него с другим оттенком, особенно, когда это душевная боль. Сначала такое виделось редко, лишь некоторые люди слегка светились, а сейчас подобное случается все чаще.

Священник задумался и сказал:

– О том, что земля круглая и ходит вокруг солнца, я тоже догадывался, но вот про время и душу – это действительно интересно, но непонятно.

Он помолчал, глянул в потолок, точно выискивая что-то, и добавил: – Ты еще молод и подобные разговоры тебе прощительны, а вырастишь, с этим надо быть поосторожнее.

...И вот теперь второе видение возвратило его на Иордан. Иисус пришел тогда к Иоанну креститься, но тот сначала отказывался, пришлось его уговаривать. А после Крещения они разошлись, Иисус ушел в пустыню, с желанием пройти через отрешение и очищение. А вот куда подался Иоанн, Иисус сейчас это и увидел – он направился к ессеям в Курман.

Иоанн и раньше бывал в этой общине. Рассказывал Иисусу о культе воды, царившем здесь, и о том, что живут ессеи по-братски, заботятся друг о друге, обучают молодежь, защищают стариков, занимаются пчеловодством и лечением медом, и травами.

А еще ессеи все записывают – что было, что происходит сейчас и что будет, согласно пророчествам. Изложили на пергаменте и предсказания Иоанна, расспрашивали о его встречах с царем Иродом Антипой.

Иисус знал, что Иоанн встречается с Иродом. Царь прислушивался к его пророчествам и советам. Но вот совет не нарушать заповедей и не жениться на Иродиаде, законной супруге своего брата Филиппа, царь всячески игнорировал и

об этом Иисус тоже знал, в связи с чем, говорил: «Советчицами царей часто бывают их желания и, порой самые неожиданные, так что лучше держаться от них подальше».

А тем временем видение у горизонта сменилось и перед взором Иисуса стали проходить картины царского дворца, встречи, беседы, перемещения. А потом промелькнула крепость в пустыне и её темные помещения. Но в одном сумеречном месте чуточку прояснилось – была видна комнатушка, смятая трава в углу и худой заросший мужчина в рваной одежде. Он ходил из угла в угол, останавливался у стены, поднимал голову вверх, где было небольшое окошко, и смотрел на свет.

В мужчине Иисус с трудом узнал Иоанна.

Но вот в картине на горизонте снова проступили залы дворца, наполненные людьми, песнями, танцами, весельем. И среди этого шума и гама появилось сияющее серебряное блюдо. Оно плыло по залу, и люди с испугом расступались и отходили в сторону. А блюдо подплыло к девушке в пурпурном одеянии и сверкающей диадеме, украшавшей её голову. Все расступились, и девушка осталась одна посреди зала.

Появился царь Ирод в ярком наряде, подхватил блюдо и передал его красавице с диадемой на голове. Иисус присмотрелся к тому, что было на блюде – и вздрогнул, это была голова Иоанна.

Через мгновение видение погасло, закатная заря потускнела, и горизонт стал затягиваться плотной дымкой.

«Что это было и как все понимать, где Иоанн и что с ним?» – спрашивал себя Иисус, но ответа не было.

Две милых дамы – лучше, чем одна

Вечером я вышел на набережную, прогулялся у моря, постоял у места, где художники рисовали портреты желающих, там была и Бруклицина. Увидев меня, приветливо махнула рукой.

После нашей горячей встречи у неё на квартире, мы больше не встречались. По утрам я сам гримировался и выходил в люди. А почему больше не подошел к Марине, не знаю, было, какое-то непонятное ощущение неуюта.

Это, наверное, из той оперы, что имела в виду французская писательница Жорж Санд, когда говорила: «Я всегда считала себя порядочной женщиной – у меня никогда не было двух любовников одновременно». Вот и у меня раньше ничего похожего не было, и, наверное, вот эта самая мораль и проявилась.

Можно было бы и еще чего-нибудь придумать на этот счет, типа стало стыдно, неудобно, только все это будет ерундой. Если честно, то в глубине души мне нравилось моё положение.

Если же говорить более конкретно, то две любовницы всегда лучше, чем одна. И, потом, каждая из этих женщин была хороша по-своему, и я бы с удовольствием продолжил с ними общаться двоими, только как это сделать, еще не решил. Вот и крутился, не зная, с какого боку подойти к этой

проблеме.

Аллочка – этакий контрабасик с роскошной грудью, была покладиста, лишних вопросов не задавала, получала удовольствие от общения и всего прочего. Искренне радовалась бесхитростным вещам, смеялась любой шутке. В общем, была из той породы женщин, что не заморачиваются по пустякам, легки в общении и вообще приятны во всех отношениях, хотя и себе на уме.

Что касается Марины, то здесь все было несколько иным. Она была талантлива и прекрасно это понимала, что, несомненно, влияло и на её самооценку, и с подобным надо было считаться.

А еще в ней чувствовался потенциал нерастраченных чувств и эмоций. И хотя она старалась не сдерживаться, продемонстрировав это в тот памятный вечер, однако подобное, все же было только демонстрацией, идущей больше от разума.

И хорошо, если я ей хоть чуточку нравлюсь, а не только сработало ущемленное самолюбие – почему с подругой, а не со мной?! Но, возможно, что я тут и заблуждаюсь, и накрутил лишнего?

Тогда посмотрим на все это и со стороны...

И так, кого и как дамы любили раньше, чем это закончилось, и что они чувствуют сейчас, вот вопросы, на которые мы и постараемся ответить. Начнем с Марины. Здесь все довольно просто. В детской художественной школе ей нрави-

ся учитель рисования, который заметив её способности, всячески поддерживал, ставил в пример и это внимание и благодарность к нему переросли для неё во что-то большее.

Она думала о нем, его прикосновения были волнительны, и она краснела. Но потом он уволился, а Марина поступила в художественное училище, где сначала особо никого и не выделяла. Встречалась с некоторыми ребятами, ходила в кино, на вечеринки, где и к ней особо никто не приставал и не домогался.

Был один рыжий Жора, который крутился возле неё, а однажды зажал в темном месте, стал хватать за грудь и пытался залезть в трусы. Сначала Марине было интересно и немножко приятно. Но его терпкий пот, а Жорик пыхтел и основательно взмок, отбил всякую охоту продолжить эксперимент. И она резко выкрутилась, поддав слегка коленкой ему между ног, где из штанов торчало и тыкалось ей в бедро горячее, живое и нехилое его достоинство.

Были и еще отдельные встречи, но ничего запоминающегося и серьёзного. А потом появился он, кто впоследствии и стал её мужем. Александр был со старшего курса, оканчивал училище, его картины побывали на некоторых престижных выставках, на одной из которых в Одессе они и пересеклись.

Марине он понравился. Александр был симпатичен, мил, обходителен, не наглел. Чувствовалось, что и она ему не безразлична. А в один из выходных он пригласил её к товарищу на дачу.

Жарили шашлыки, пили пиво, потом уединились в одну из комнат наверху. А когда он раздел её и увидел все прелести, тут же сказал, что подобное непременно надо увековечить на холсте.

– Только не сейчас, – зябко вздрагивая, сказала она.

Как ни странно, но это было первое её столь близкое и столь интимное знакомство с мужчиной. Марину слегка трясло, но она старалась держаться.

То, что случилось потом, чего она побаивалась и желала, несколько разочаровало её. Все произошло быстро, резко и даже грубовато.

Как объяснил случившееся Александр, он полагал, что в последний момент она может передумать, поэтому и получилось все без необходимой подготовки. К тому же он и не рассчитывал, что она делает это первый раз. Но, осознав, удивился, извинился и до утра старался загладить свой промах.

Ну, а что получилось с увековечиванием на холсте – мы уже знаем.

А через время, после завершения учёбы, у Александра все пошло несколько не так, как мечталось. Не все получалось с работой и с выставками. В общем, жизнь преподносила сюрпризы, к которым он не был готов, среди них было и рождение ребенка.

Одно время Александр сильно хандрил, уехал к матери, сменил свою художественную ориентацию, но это тоже не приносило нужных дивидендов, и спустя шесть лет каждый

пошел своим путем.

На лето Марина стала уезжать в Ялту и с год на мужиков даже не смотрела. Подружилась с другими художниками, и с Аллой, которая жила в том же доме, где в первое время и Марина снимала жильё. Была пара непродолжительных интимных встреч ни к чему не обязывающих и вот третья с Виталием.

Марина заметила его у парапета на набережной, когда к ней с расспросами приставал мужик бомжеского вида. А вечером он подошел нарисовать свой портрет и сказал, что картины Марины ему нравятся, а Мона Лиза не всем нравится.

То, что он стал смотреть на грудь, Марина почувствовала сразу. Соски вдруг стали твердеть и оживать, приятное тепло согрело и низ живота. Это было столь неожиданно и странно, что она дернулась всем телом, точно сбрасывая наваждение. Он увидел это и перевел взгляд дальше, на набережную.

Нечто подобное она испытала и на диком пляже, когда сняла сарафан, а он стал смотреть. Его неподдельное восхищение отзывалось теплом в груди и приятно возбуждало, чего раньше с ней не было. В воде они несколько раз соприкоснулись, что также вызывало приятные ощущения.

Относительно его знакомства с Аллочкой, то произошло оно не по желанию Марины, а по стечению обстоятельств. На набережную они пришли вместе, ей надо было работать, а Аллочка скучала рядом, и тут появился он.

Но вот когда они возвратились после прогулки, и она уви-

дела, что Аллочка чуть ли не мурлыкала, да и Виталий выглядел умиротворенным, тут уж ей совсем стало грустно.

Однако повороты судьбы она старалась воспринимать спокойно. Да и особых иллюзий на его счет не питала. Хотя, чего скрывать, всегда приятно, когда рядом привлекательный мужик, а он как раз и был таким.

Что касается увлечений и любовных приключений Аллочки, то здесь таковых и на небольшой роман хватит. Поэтому в детали вдаваться сильно не будем, а пройдемся лишь по некоторым вехам.

И так, мальчики Аллуське, как звала её мама, нравились с детского сада. Она подсматривала за ними, охотно играла, особенно в больницу, где надо было их раздевать и лечить. Без внимания не оставляла их и в школе, да и они её тоже.

Симпатичная, розовощекая пампушечка – она нравилась ребятам, и многим хотелось её просто потрогать, что они и делали – толкали, щипали, а то и хватали за появившиеся уже в шестом классе груди. Она отбивалась, но этим только раззадоривала пацанву.

Позже, слегка похудев и постройнев, она стала пользоваться успехом и у старшеклассников. А вскоре с одним из них и произошло то, к чему все и шло.

Забравшись на чердак и устроившись на старом матрасе, без лишних эмоций они устроили сначала стриптиз с раздеванием и рассматриванием друг друга. А потом пошли и дальше, но с предосторожностью, чтобы никаких послед-

ствий, и такое условие было соблюдено.

Подобное проделывалось потом и с другими ребятами, только их она выбирала уже сама. Ей нравилось заниматься этим и временами казалось, что она не сдерживает эмоций, но это было не так.

Голова её всегда была холодной и, что называется, на месте, и в нужный момент включала такие действия, что партнер слетал с неё, если зазевался. Выбирались для этого и безопасные дни. Но как говорят – любовь поджидает нас там, где мы меньше всего думаем о ней.

После первого курса кооперативного колледжа на ялтинском пляже она встретила рослого и колоритного парня, точнее они встретились. Складный, загорелый, голый до пояса, с золотой цепью и медальоном на шее, он шел по кромке воды и уперся в неё сначала взглядом, а потом и всем остальным. Но и у неё внутри что-то вдруг дрогнуло и сладко зануло.

Механик сухогруза, стоявшего в порту под разгрузкой, был старше Аллочки на пять лет. Он лихо подкатил к ней, и уже вечером она была у него в каюте.

Красивые заморские безделушки, интересная выпивка в красочной таре, музыка из дорогого музыкального центра. И поехало, и пошло, и только утром Аллочка пришла в себя.

Красавец моряк уплыл, а через три дня на подводных крыльях «Кометы» она помчалась на встречу с ним в Новороссийск. Здесь корабль стоял три дня, после которых решено было, что в следующий его приход, а корабль уходил в Ру-

мынию, они поженятся... и поженились.

А через год родилась дочь Ксюша, и все было прекрасно.

Но наступили тяжелые времена, почти весь торговый флот ушел под иностранные флаги, началась чехарда с собственниками, задержка зарплат, а то и откровенное надувательство, и семейную жизнь Аллочки тоже стало лихорадить.

Денег не хватало, а им на смену пришла ревность. Муж был несносен в своих придириках, а потом нашел место на корабле и уплыл, сначала в Болгарию, а затем в Канаду, где и сгинул. Вот так и осталась Аллочка соломенной вдовой.

Но расслабляться было некогда, и хотя родители не отказывали ей в помощи, она включила мозги, освоила компьютер и бухгалтерские программы, нашла работу, а к нему и приработок – подготовка отчетов для предпринимателей в налоговую. Изредка встречалась с мужиками, как говорила для поддержки здоровья и тонуса жизни, познакомилась и подружилась с Мариной.

И вот встреча с Виталием, которая закончилась весьма неожиданно. И здесь, как она чувствовала, требовалось объяснение с Мариной. И на следующий день, Аллочка виновато улыбаясь, спросила:

– Ну что, подруга, надеюсь, ты не против, что я попользовалась твоим Виталиком? Ты ведь догадалась? – она помолчала и, заглянув в глаза Марине, сказала. – Клянусь, и в мыслях не было, все получилось так быстро и неожиданно...

– Предположим, он не мой, хотя не скрою, зацепил. Ну а то, что у вас получилось, я, конечно, заметила. Такие довольные были.

– Честно, даже не думала. Мы танцевали, он меня слегка прижал, рукой по спине провел – и я поплыла, а потом завел в кусты, поцеловал и все – готова. – И, помолчав, спросила.

– Так что делать будем, может, вдвоем попользуемся?! Насколько я поняла, задерживаться он здесь не собирается. А деньги, похоже, есть и вроде бы не жадный. А любовью занимается, просто душа тает.

– Заинтриговала ты меня, подруга, – передразнив, с усмешкой сказала Марина. – А вообще, интересный расклад получается, надо подумать.

– Да, что тут думать, пока будем думать, он соберется и уедет. Так что, давай, грудь вперед и с песней!

И вот, вскоре после этого разговора и началась игра, которую Виталий увидел, но не понял. Ну, а потом продолжилась она уже после ресторана, дома у Марины. И хотя тогда, продолжая игру, Марина пыталась не подключать эмоции, однако они стали проявляться сами, почти с первых минут.

В его руках она впервые, по-настоящему почувствовала себя женщиной, и не стала сопротивляться своим желаниям, а еще и тем действиям, которые считала раньше для себя ненужными, а то и стыдными.

Вот такой получился поворот у этой истории, только Виталий всего этого не знал. А как все будет развиваться, мы

и посмотрим.

Водевиль в исполнении артистов любителей

На следующий день с утра я позвонил своему брату в Ростов и рассказал, как продвигается дело. А еще сказал, что Колян постоянно исчезает из моего поля зрения и не исключено, что в один момент он может испариться навсегда. «Так что подъезжайте и берите, пока он здесь», – сказал я.

Ребята не заставили себя долго ждать и через пару дней, под вечер, появились в Ялте. Приехали они втроем – брат и еще два парня. Правда один довольно интеллигентного вида, что подчеркивали и очки – тонкие, изящные. А на мой вопрос, что это за кадр, брат сказал:

– Ты не смотри на его вид, он свое дело знает. Окончил мединститут по профилю психология и психиатрия, владеет гипнозом, какими-то китайскими методиками и потом Костик сын одного из пострадавших. Сейчас ведь не девяностые годы, когда главным аргументом в достижении цели были уют и паяльник, вот мы и решили взять его с собой. Папаша его тоже обещал подъехать.

Ну, а второй – Сергей, полностью соответствовал определению «Сила есть – ума не надо».

Что касается моего старшего брата, то он последние лет десять занимался типографским бизнесом. Окончил в своё

время, как и я потом, строительный институт, ну а в годы приватизации его товарищ по институту, работавший в Госкомимущество, помог ему оформить в собственность за умеренную цену небольшую типографию одного из ликвидированных НИИ, вместе с оборудованием и помещением.

А потом одни выборы в различные органы власти сменялись другими, и всем нужна была наглядная агитация. Брат подобрал хороших специалистов, не терял связей с теми, кто попадал во власть, и с их поддержкой дела пошли.

Но вот появился Колян, у него были связи в Новороссийском порту, где в то время шел очередной передел. Он и соблазнил брата и еще двоих предпринимателей с деньгами вложиться в это дело, обещая хороший кусочек порта с причалом и чуть ли не стопроцентную гарантию. «Даже, если что-то пойдет не так, деньги будут возвращены», – говорил он.

Ребята вложились, Колян долго водил их за нос, а потом исчез. Как потом выяснилось, изначально это была чистойшей воды афера, но довольно хорошо обставленная.

Попытки разыскать его ни к чему не приводили, и они уже поставили на деньгах крест. Но вот услышали о похожем кадре, объявившемся в соседней Украине, а конкретно в Ялте. Сильно не надеясь на успех, они все же решили проверить слух, и предложили это мне. Ну и вроде как получилось – я его нашел.

Услышав в деталях, что, да как, происходило у меня по

обнаружению и поиску Коляна, решено было узнать, где все-таки он проживает, а потом и определиться с нейтрализацией Длинного и захватом Коляна.

К этому времени должен был подъехать и еще один товарищ, пострадавший от Коляна и жаждущий самолично участвовать в этой операции.

Следующие два дня активной работы дали свои результаты. На пляже Костик и Сергей познакомились с красоткой Коляна и её подругами. Вечером пригласили их в ресторан, а вместе с ними пришли отужинать и Колян с Длинным.

Все это мы с братом наблюдали издали – я в образе шотландца, а брат был в кепи, надвинутом на глаза, и в сереньком помятом одеянии бедного родственника.

Дополняли этот образ – щетина на лице и растоптанные до безобразия сандалии на босых ногах. Подобный камуфляж был необходим, Колян и брат знали друг друга.

А вот что и как происходило в ресторане, мы узнали позже. Разговор о море, погоде, ценах на местном рынке и на проживание в Ялте, потихоньку перешёл на то, кто и чем занимается. Ребята представились бизнесменами из России, приехавшими отдохнуть, а заодно познакомиться и с местным рынком недвижимости.

Колян сказал, что он тоже предприниматель и занимается гостиничным и ресторанным бизнесом, а Длинный, которого Колян звал Вовиком, был представлен как его помощник.

Наши ребята выразили «неподдельное» восхищение тако-

му «неожиданному знакомству» по линии совпадающих интересов, но сильно наседали с вопросами не стали, а «налегали» на выпивку и закуску, не забывая подливать спиртное и новым друзьям.

Хорошо расслабившись и разомлев от водки, Колян похвастался, что недавно прикупил еще одну гостиницу и занимается её переделкой. В общем, выяснилось, что у Коляна, как минимум пара гостиниц и столько же ресторанов в Ялте, а еще какая-то база отдыха в Форосе.

Но что и как делать дальше, плана конкретного не было, поэтому импровизируя на ходу, наши ребята решили посмотреть, как будут развиваться события и уже исходя из обстановки – действовать.

И вот, когда компания толпой вывалились из ресторана, Длинный просто висел на Сереге, а Колян на Костике, мы с братом поняли, что ребята решили брать клиентов, что называется, теплыми.

Слушай только меня и больше никого

Как потом нам с братом рассказали, Костик незаметно выдал из шприца им в бокалы очень сильное успокоительное средство. И хотя Длинный не пил спиртное, он за рулем, двойная доза в безалкогольное пиво свалила и его.

Затем в машинах их упаковали, а Костик, отозвав в сторонку Ингу – красотку Коляна, показал ей фальшивое удостоверение работника службы безопасности Украины. Сказал, что арестованы очень опасные аферисты, которых разыскивают не только в Украине, но и по линии Интерпола. А посему, если троица девиц сегодня же не уберётся из Ялты, то они могут пойти как соучастницы.

– По правилам мы обязаны задержать и вас, сначала как свидетельниц, ну а куда выведет следствие, одному Богу известно, – сказал Костик обалдевшим от вина и столь неожиданной новости девицам.

– Но вы мне симпатичны, поэтому быстро собирайте вещи, утром на такси и в Симферополь на вокзал или в аэропорт, это уж как вам удобнее и катите в другое место или в родной Львов. И никому ни слова, данные ваших паспортов у меня имеются, начнете болтать – вам не поздоровится. Благодарить не надо. Все, девочки, пока!

После этого мы быстренько разместились в двух машинах и рванули в домик, что снимали Костя и Сергей. Здесь обмякших клиентов перетащили в пристройку, скрутили руки и ноги скотчем, заклеили рты и пристегнули наручниками к трубе отопления.

Честно сказать, меня это напрягало, раньше в подобных акциях участвовать не приходилось, да и что задумали наши орлы, я не знал, что тоже как-то скребло душу. Поэтому я сказал, что устал и уехал на свою квартиру, где выпил чуток коньячку, съел яблоко и лег спать.

На следующий день я позвонил брату и спросил, чем они там занимаются?

– Приезжай, увидишь.

– До тисков и утюга еще не дошли?

– Я же говорил, что подобное на самый крайний случай. А пока Костик на них психологические опыты ставит. Приезжай, интересно.

И я поехал.

Длинный сидел посреди хозяйственной пристройки, ноги его были примотаны скотчем к ножкам стула, а туловище – к спинке. На лице его была блаженная улыбка и, прикрыв глаза, он рассказывал, как в детстве ловил на Амуре рыбу.

Перед ним на подставке была установлена видеокамера и все записывала.

– А чего он лыбится, такая рожа довольная, вкололи чего? – тихонько спросил я брата.

– Костик ему укол сделал, а в шею иголку для иглоукалывания воткнул.

– А теперь расскажи, чем ты занимался в Комсомольске-на-Амуре? – спросил Костик, и Длинный с такой же довольной миной на лице стал рассказывать, как с ребятами собирал дань с торгашей на рынке и в ларьках, а потом пошли уже и магазины, брали в обработку и упертых предпринимателей.

– Мы их так полировали, что потом шёлковыми становились, – сказал Длинный и стал вспоминать Хабаровск, Екатеринбург, где работа в основном была та же, только уже пошли и кровавые разборки.

Костик, вдруг резко спросил:

– Номер твоего телефона!?

Длинный назвал.

– Сколько на счету этой карты!?! – Костик поднес к лицу Длинного пластиковую карточку.

– Около 18 тысяч рублей и полторы тысячи гривен.

– А на этой!?! – Костик показал другую карточку.

– Чуть больше 10 тысячи долларов.

– Коды этих карт!?!

Длинный назвал цифры, Костик записал, и сказал:

– Подними правую руку, пошевели пальцами, теперь левую. Закрой глаза и слушай мой голос, он самый важный для тебя, только он имеет значение, – четко и отдельно стал говорить Костик. – Сейчас ты поедешь на автовокзал, сядешь

в такси и отправишься в аэропорт Симферополя. Возьмешь билет на ближайший рейс в Москву, а оттуда улетишь к своей семье в Комсомольск-на-Амуре. Жена и дети давно ждут тебя. Устроишься на работу и будешь там жить.

Ты никогда не был в Ялте, и не знаешь Николая Николаевича Ходырева, он не существует. Я стираю его из твоей памяти. – Костик приподнял руку Длинного и пальцем, как стирательным ластиком, поводил по его ладони, затем пару раз провел вдоль лба, а затем поперек и дальше через лоб и нос. Длинный сморщился и с облегчением вздохнул, точно с него сняли груз.

Костик взял нож, перерезал скотч вокруг туловища и на ногах, убрал его и сказал:

– А теперь открой глаза, – и легонько толкнул Длинного в лоб. Тот открыл глаза и удивленно стал смотреть вокруг и на присутствующих. Похоже, что он пытался что-то вспомнить, но вряд ли это у него получалось, по крайней мере выражение лица было крайне удивленное, но спокойное.

– Ну, что Владимир Афанасьевич, контракт у нас с вами закончился. Мы нанимали вас для охраны нашего товарища, вчера он уехал в командировку за границу, ну а вы получаете расчет. Вот на этих карточках ваши деньги и, как говорится, с Богом – домой. Кстати, где ваша семья?

– На Дальнем востоке, в Комсомольске-на-Амуре, – он улыбнулся и добавил. – Давно меня ждёт.

Длинный встал, но его повело в сторону, и он ухватился

за стул:

– Что-то меня качает, да и не пойму, где я?

– Ну, так прощальный банкет, он даром не проходит. А находитесь вы у друзей. Сейчас вот ребята отвезут вас к вашему дому, только покажете, где живёте, соберете вещички и на автовокзал. А по дороге вот он, – Костик указал на Сергея, – проверит ваши карты, а то одна, возможно, заблокирована. Если все в порядке, отдаст вам, а если – нет, то примет меры.

Когда они выходили, Костик притормозил Сергея, отдал ему записанные цифры паролей и сказал:

– Завернёте к банку или банкомату и проверишь. Если пароли соврал, скажи, что карточки заблокированы. Хотя по всем признакам все сработало как надо, но проверка не помешает. Он сейчас заторможен, соображает туго и активных действий еще часов пять проявлять не должен, но на всякий случай вот тебе шприц, если что – воткнешь.

– Слушай, Костя, а чего мы с ним так возимся, под зад коленом и пусть катится, а деньги снять – и нам пригодятся, – сказал один из кинутых Колянном.

– Можно и так. Но вы ведь меня взяли для того, чтобы все решать миром и по-честному? Ну, так и давайте решать. Его наняли, он работал, и к нему, его деньгам мы отношения не имеем. А чтобы он оставался для нас полностью безопасным, мы его обезвредили, и отпускаем с миром, пусть к семье едет и работает.

В общем, ребята отвезли, проверили, узнали, где они жили с Коляном и на такси в Симферополь отправили, а потом взялись и за Коляна. Но здесь все пошло по другому сценарию. Николай предложил его сам.

– Я понимаю, что обидел вас и на вашем месте, выпотрошив, в живых вряд ли оставил – гирю на ноги и в море. Тем более оно рядом. Но, давайте договоримся, я сделаю для вас все и в лучшем виде. Даже то, что приобретено на мои деньги, переоформим на вас – это будет как моральная компенсация. Взамен только одно – оставьте мне жизнь. – Он помолчал и с тоской сказал. – Ну не получилось у меня с этим портом! И жаба придушила, вот и сбежал.

Мужики вышли, посоветовались, а решение озвучил мой брат:

– Сделаем так, после переоформлений и продажи того, что нам не нужно, мы и примем окончательное решение, а пока наше мнение 50 на 50. Так что ты уж постарайся.

И он старался.

Мужики быстренько все оценили, поделили и переоформили с соответствующими подношениями нужным чиновникам. А чтобы Колян не дергался, то с утра ему втыкали укол и целый день он был тихий, смирный и довольный – с умильной улыбкой на лице.

А после того, как все утряслось, он написал чистосердечное признание и отказ от имущества, приобретенного на средства, добытые мошенническим путем, и эти самые пути

все перечислил.

Затем Костик воткнул ему иголку в шею, и также как Длинного загипнотизировал и провел соответствующий сеанс – все забыть и Ялту не вспоминать, а если он здесь появится, то умрет.

Я же был в стороне от всех этих дел, они меня касались лишь как детективная история, и не более того. Но вот обещанный гонорар получил с удовольствием. Сумма оказалась кругленькая и в долларах, на которую, честно сказать, я и не рассчитывал. Наверное, брат расстарался. А еще он предложил мне поруководить мини отелем, который достался ему – двухэтажного, на 18 номеров и недалеко от моря.

Так что моя жизнь свободного бомжа-художника в одночасье изменилась и попала в колею отлаженного гостиничного распорядка, к чему я был не совсем готов. Все-таки свобода и необязательность быстро расхолаживают, и сразу собраться не всегда получается. Вот и мне надо бы включить тормоза, и принимать меры, только вот какие?

За горизонтом событий.

Наводнение в пустыне и незванный гость

Ближе к вечеру на блёклом небе стали собираться тучи. И хотя на дворе было уже начало весны, а время зимних невзгод заканчивалось, однако изредка на Иудейскую пустыню из Средиземного моря ветер нагонял тучи и срывался дождь, а бывало, что обрушивался и ливень. И тогда мутные потоки, по бесчисленным промоинам скатываясь с гор, соединялись, и уже бурными реками стремительно неслись по пустыне, подхватывая и волоча за собой щебень, камни и все, что встречалось на пути, и было под силу воде.

Вот и сейчас надвигалось что-то серьёзное. Тучи все больше темнели и все ниже опускались над пустыней и горами, а затем и первые змейки прочертили черноту неба и вверху раскатисто загрохотало. Прохладой дохнуло и со стороны потемневшего горизонта, ветерок полосой прошелся по низине, подхватил и закрутил пыль и мелкие камешки и уже вихрем, крутясь и набирая силу, понесся дальше к горам.

Но вот все замерло, и зловещий покой установился между мрачным небом и притихшей землёй, однако был он недолгим. Ослепительная вспышка и сразу же оглушительный грохот ударили в землю, и первые капли дождя разбились о ка-

менистую поверхность пустыни. А потом дождь зачастил, зашумел, набирая силу, и уже сплошная стена воды закрыла все пространство вокруг.

Иисус стоял в пещере недалеко от её входа и собирался отойти дальше вглубь, как из сплошной пелены дождя показалась и стремительно вбежала под каменные своды Сусанна. Совершенно промокшая, со сбившейся с головы накидкой, растрепанная и испуганная, она налетела на Иисуса и только тогда остановилась и, смутившись, поправляя накидку, сказала:

– Там такое творится – сплошная вода, чуть потоком не унесло.

Она немного успокоилась, но дрожь не проходила. Иисус снял с себя верхнюю накидку, подал ей:

– Возьми, пойди туда и переоденься, – сказал он, кивнув в полумрак пещеры.

Девушка ушла, а он стоял, смотрел на ливень, извергавшийся с небес, и вспоминал их встречу.

Он шел тогда с Иордана после Крещения и заглянул на иерихонский рынок. В одном из его закутков и увидел Сусанну, развлекающую публику танцами. Иисус присел в тени у стены и стал смотреть. Видел, как дородная матрона подошла к тряпице, лежавшей на земле, подняла несколько мелких монет и пару апельсинов.

А через время к этой женщине подошел мужчина, пошептался с ней, и та позвала девушку, назвав её Сусанной. По-

казала на мужчину, и сказала, чтобы она шла с ним.

Сусанна смутилась, опустила голову и не двигалась. Женщина поднялась и стала кричать и толкать её, а затем с размаху ударила по щеке. Девушка отлетела к стене, сползла по ней и, накинув на голову накидку, присев, заплакала.

Мужчина не стал ждать, развернулся и ушел, а женщина продолжала пинать девушку ногами. Иисус встал, подошел:

– Зачем ты её бьёшь? – спросил он и подставил свой посох навстречу очередному удару. Нога наткнулась на посох, женщина отскочила и закричала:

– Она моя, что хочу, то и делаю!

– Если ты еще, хоть раз ударишь её, твоя нога отсохнет и будет такой, как эта палка, – сказал Иисус и посмотрел женщине в глаза. – И та вдруг сникла, поежилась, точно от холода, с тревогой, оглянувшись по сторонам, отступила.

Иисус присел рядом с девушкой:

– Успокойся, она больше не будет тебя обижать. Вероятно, её тоже били, она не знала любви и поэтому так жестока к тебе.

– Моя тетя хочет, чтобы я занималась блудом, ей уже мало того, что я зарабатываю танцами, – сказала девушка, помолчала и добавила. – А мамы у меня нет, она умерла, когда я была маленькая.

– Да, мир жесток, люди похотливы, поэтому надо учиться любить ближних, как мы любим себя, и тогда всем будет хорошо.

Женщина стояла рядом, молчала и слушала. Вокруг собрались и те, кто смотрел танцы девушки и видел все, что здесь произошло.

Мужчина в истрёпанной и некогда полосатой накидке, хитро усмехнувшись, спросил:

– А если человек и себя не любит, тогда как?

– Раз он живёт – значит, что-то держит его в этом мире, надо заглянуть в свою душу и поискать. Ты, вроде бы человек неглупый, мог бы найти в себе то, что любить, а потом научить этому и других.

– И зачем мне это надо?

– Чтобы не было вот этого, – Иисус кивнул на девушку. – А за одно, спас бы и свою душу.

– Душа, спасти, полюбить – странно ты говоришь.

– Да нет, просто об этом вроде как не принято говорить вслух, а надо уже и кричать, чтобы слышали все. Вот, к примеру, девичья жизнь и красота, они вызывают много чувств, желаний, оценок и порой странных, и неожиданных, хотя бы, как в этой притче.

Жил человек и была у него дочь красавица, и увидел он однажды, как сосед сделал дырку в заборе и подсматривает за его дочерью. Спрашивает он соседа: «Зачем ты это делаешь?»

А сосед и говорит: «Прости меня! Не суждено мне обладать ею, так хоть издали полюбоваться хочу».

Услышав это, сказал отец дочери: «Лучше бы тебе, дочь

моя, в прах обратиться, чем красотой своей доставлять мучения людям».

Иисус помолчал и продолжил:

– Ну а мы, глядя на красавиц, не об этом ли думаем, что и сосед? А ведь сказано, не пожелай жены ближнего своего, но мы желаем. Так не лучше ли самому превратиться в прах, но душу оставить чистой? Вот на этот вопрос и надо искать ответ.

– И ты его нашел? – спросил человек в истрёпанной накидке.

– Пока нет, но найду. За этим и направляюсь в пустыню.

– Там много таких искателей, и я там был, но жизнь не стала для меня более понятной.

– А это уж кому как дано. Ну, а о том, что я тебе сказал, подумай.

– И где тебя найти, если мне захочется ещё о чём-нибудь спросить?

– Я Иисус из Назареи, а захочешь найти – найдешь.

– Кажется, я уже слышал о тебе. А меня зовут Андрей, и я найду тебя, чтобы узнать, как всё прошло в пустыне, нашел ли ты там то, что искал?

...И через время человек в полосатом хитоне с иерихонского рынка выполнил своё обещание, нашел Иисуса и стал Андреем Первозванным.

Иисус попрощался со всеми и ушел с рынка, но спустя некоторое время появилась здесь, и Сусанна и, как мы пом-

ним, ушла жить под гору, в одну из промоин. Однако вода выгнала её оттуда.

Дождь неожиданно прекратился, но небо только чуть посветлело, надвигалась ночь. Улеглись спать на одной из невысоких выступов, устланном сухой травой и степной полынью, которая спасала от земляных блох. Сусанна дрожала и больше от нервного напряжения, чем холода.

– Не могу согреться, – говорила она, кутаясь в его накидку и прижимаясь к Иисусу. Некоторое время она лежала молча, потом заговорила. – Ты сказал тогда, что бы все люди любили друг друга, и я всегда хотела, чтобы меня кто-нибудь любил, а меня только ругали и били. А теперь и я могу сказать, что люблю тебя.

Она примолкла, точно собираясь с силами, и заговорила: – Я люблю тебя очень сильно. Издали смотрю на тебя и мне уже хорошо. Ты сидишь там, на горе, а я смотрю и не могу оторваться. Иногда мне становится даже страшно от этого.

Иисус молчал, а Сусанна не могла остановиться:

– Некоторые говорят, что я красивая, может это и так, я не знаю, но ко мне еще никто не прикасался. Тетка била меня потому, что я не хотела ни с кем идти. Сначала уговаривала, а потом стала бить.

Сусанна притиснулась к Иисусу, и горячее её дыхание коснулось его уха:

– Погладь меня... Потрогай... Возьми меня..., – зашептала она.

Но Иисус не шевелился, и молчал.

Искушение и соблазн – им трудно противостоять, когда ты молод, а они так доступны и близки. Но что будет потом: мучения совести, душевные муки и ответственность за полученное удовольствие и за человека, пред которым ты не устоял или сам соблазнил?

А горячий шёпот девушки, её искренность и невинность подкупали, дрожащий голос и тепло близкого дыхания, пахнущего парным молоком, щекотали ноздри, и они непроизвольно раздувались. Их легкая дрожь передавалась и телу, и оно тоже начинало петь свою пьянящую песню. И вот мысли уходят и остаются только чувства и желания и, кажется, что их уже не остановить. Они живут сами по себе, подчиняясь лишь инстинкту и коду жизни – бессознательному и сильно-му зову: «Продли меня!»

Но вот где-то там, на последней точке сознания, начинает звучать голос: «Отче наш, сущий на небесах, да освятится имя Твое, да придёт царствие Твое, да будет воля Твоя и на земле, как на небе...».

Прочитав молитву, Иисус успокоился, стала уходить и дрожь, и лишь сладость в теле не покидала его:

– Да, я люблю тебя, – сказал Иисус, – но не совсем так, как ты думаешь. Моя любовь – это, прежде всего любовь моей души, а не тела, и она безмерна и безгранична, как небо, как звезды, как сама жизнь, и миг наслаждения и удовольствия несоизмеримы с ней. Когда-нибудь ты это поймешь.

Завтра поднимется солнце, наступит новый день, и мы не будем прятать глаза. Мы пойдем в Кумран, где живут ессеи, и ты останешься у них, будешь любить их как братьев, а кого-то одного сильнее, чем брата. А потом выйдешь замуж, у тебя будут дети, а я буду всегда помнить тебя, любить и молиться за тебя и за всех вас. И ты всегда будешь знать, что я люблю тебя. А теперь давай спать. – Он обнял её, согревая своим телом, и затих.

...Сусанна проснулась от какого-то странного звука, подняла голову и увидела в светлеющем входе в пещеру темное пятно. Но вот пятно зашевелилось и шумно вздохнуло. Сусанна пригляделась и увидела огромного зверя.

Она толкнула Иисуса, тот поднял голову, посмотрел и сел, свесив ноги с небольшого уступа, на котором они спали. Трава под ним зашуршала, зверь насторожился, поднял голову, вглядываясь в темноту.

Предутренняя рань чуточку посветлела, и они разглядели в звере огромного льва. Он стоял, прислушивался и принюхивался, потом разинул пасть, задрал голову, мотнул ею и рыкнул, и этот звук, густой и сильный на миг заполнил собой всю пещеру.

Сусанна вскочила, заметалась на уступе, а Иисус взял посох и медленно двинулся навстречу зверю. Почувствовав движение, лев напрягся и стал вглядываться в темноту.

На середине пути, между входом и выступом в пещере, поблескивала лужа воды, набежавшая во время дождя. Иисус

приблизился к ней, остановился и, замахнувшись, сверху вниз со всей силы, с криком: «Прочь!», – ударил посохом по луже.

Хлесткий звук удара по воде, крик и два ряда серебристых брызг, высоко взлетевших в разные стороны от удара посоха, были столь неожиданны, что лев присел, зарычал и стал пятиться назад. А Иисус ударил и закричал еще раз, потом еще...

К его крику присоединился и крик Сусанны. Она спрыгнула с уступа, подбежала к Иисусу и, хватая камни, стала швырять их в зверя. А тот, пятясь, вдруг резко развернулся и трусцой побежал прочь.

Придя в себя, Иисус и Сусанна сели на уступ и стали смеяться. Они смеялись так счастливо, как только могут смеяться люди, избежавшие страшную смерть.

А потом Иисус достал из сумки два финика, что подобрал по дороге сюда, один дал Сусанне, а другой сунул себе за щеку. Но, перед уходом в Кумран, Иисус сказал:

– Хочу подняться последний раз на гору и, если удастся, посмотреть, что там у нас впереди.

И он направился к горе.

А Сусанна пошла к камню, разыскала кругляш, которым разминала в муку ячменные зерна, подержала в руках, а затем спрятала в холщевую сумку. И сразу же, ощутив камень на своём боку, почувствовала через ткань и его тепло и еще что-то большее – непонятное и необъяснимое, но приятное,

точно прикосновения того, кого она любила.

Девушка присела на большой камень, положила сумку на колени, прикрыла глаза и блаженно расслабилась под теплым утренним солнцем. В её душе и теле был такой покой, что ни объяснить, ни передать его было невозможно.

Никогда еще ей не было так хорошо. Сейчас она с любимым человеком пойдет туда, где ни разу не была и увидит то, чего не видела. «Как все хорошо», – думала она.

Ах, зачем, да почему, да по какому случаю

Но, вернемся к нашим дамам. За делами мы совсем забыли о них, хотя, честно сказать, я не забывал. Пару раз навещался к Аллочке, в основном, чтобы поддержать приятную женщину в руках и дать ей возможность получить удовольствие, а за одно, получить его и самому. Но вот к Марине подойти не решался.

Однако долго тянуть с этим было неудобно, и вечером я пошел на набережную. Марина была на своём посту – рисовальщиков портретов. Увидев меня, сморщила носик, соорив детсадовскую рожицу, улыбнулась и спросила:

– Где пропадаешь?

– Да все там же, в делах и заботах, но вот немного управился и, как видишь, появился. Ну а ты как?

– Тоже все без изменений. Народу вроде прибавилось, но с продажами пока не очень. А желающих позировать – сам видишь, конкуренция, один, два за вечер.

– Может, куда-нибудь сходим, посидим, а потерю клиентов я тебе компенсирую.

– Что, разбогател?

– Ну не то, чтобы очень, но гонорар получил и должность в придачу. Я теперь администратор отеля, правда, неболь-

шого, но, главное, неподалёку от набережной.

– Так тебя можно поздравить, все произошло, как хотел.

– Выходит, что так.

– А предложение где-нибудь посидеть принимается, только стульчики занесем, а за одно, и переоденусь.

Мы пришли к Марине на квартиру, она стала переодеваться – сняла с себя почти все, оставив одни трусики, и стояла перед зеркалом. Я смотрел на это совершенство, а потом не выдержал, подошел сзади и обнял.

А затем мои руки пошли гулять по её телу, а пальцы находили самые потаённые и чувственные места, играя на них, как на струнах. Я трогал языком её уши, целовал шею, плечи, спину и вот уже легкая дрожь стала пробегать по её телу.

Я наклонил Марину к зеркалу, в которое мы оба смотрели, и мне вдруг захотелось не только крепко подержать эту красоту в руках, но и помять, потискать, ощутить запах и вкус страсти. А поэтому, не заботясь о последствиях, жестко, и с силой, практически не раздеваясь, овладел ею.

Она сначала напряглась, вроде как сопротивлялась, потом расслабилась, застонала, задергалась, и со всхлипом, шумно втянув воздух, задрожала всем телом, а затем и обмякла, распластавшись на столике перед зеркалом. А я, не ослабляя свой натиск, продолжал и не остановился, пока не закончился весь мой запал.

А Марина, не переставая вздрагивать и всхлипывать, уткнув лицо в разбросанные разноцветные принадлежности

для макияжа, безвольно лежала на столике.

Я отошел, она успокоилась, поднялась, вытерла ладонями слезы на глазах и щеках, и рассеянно стала собирать и расставлять у зеркала баночки, скляночки и другие туалетные принадлежности.

С самого начала и до окончания всего этого действия ни я, ни она не проронили, ни слова.

Я вернулся на своё место на диване, а Марина, молча, протёрла лицо ватным тампоном и стала заново наносить макияж. Потом, глядя в глаза своему отражению в зеркале, сказала:

– Похоже, мадам, что вы сегодня впервые узнали, что такое настоящий оргазм. – Она растянула губы, облизнула их, покривила лицо перед зеркалом и добавила. – Вот за это сегодня и выпьем шампанского.

Затем повернулась и с каким-то вызовом, глядя в упор, спросила:

– Ну, как, угостишь сегодня шампанским?!

– По такому случаю, хоть французским.

– Да, французское было бы в самый раз. Наши бакалейщики тебе и «Мадам Клико» найдут, только гарантии, что оно действительно французское – никакой, так что лучше выпьем нашего, крымского, – сказала она уже спокойным тоном. А затем, на несколько секунд задумавшись, добавила. – А вообще, мне понравилось. – Постояла, опустив голову, и резко отвернулась к зеркалу.

В ресторане на набережной мы выбрали лучшее, что было из закусок и горячего, ну а выпить взяли шампанское. После второго бокала и разговора о том, о сём, Марина, помолчав, в раздумье сказала:

– Похоже, что я влюбилась, а почувствовала это, когда мои картины стали несколько другими – в них появилось больше желтого и оранжевого цвета, а фиолетовый, которому я отдавала предпочтение, почти исчез.

Она подвинула свой бокал, я наполнил его, она медленно выпила и продолжала:

– Последние несколько лет я не позволяла себе никаких влюбленностей. Но вот появился ты, и как-то все стало меняться: ощущения, восприятия, цвета, а еще я смотрела на тебя и возбуждалась – не хотела, но это происходило, само собой. И я решила, пусть все будет так, как желают душа и тело, и отпустила их в свободный полет.

Она примолкла, отпила из бокала и продолжила:

– И еще, моя влюбленность ни к чему тебя не обязывает, я делаю это для себя, чтобы оживить свое творчество. Кажется, еще Чехов советовал писателю Короленко изменить жене, чтобы оживить свою прозу. Вот и я решила подсластить себе жизнь и оживить своё творчество. Звучит как-то не очень, но это так. И, потом я знаю, рано или поздно ты исчезнешь, как и все, вкусившие любовь в этом городе греха, и любовь на этом закончится.

– А тебя не смущает, что я иногда заворачиваю и к твоей

подруге? Ты ведь знаешь об этом?

– Конечно, знаю, такие довольные бываете после любовных утех. Но и ты знай, если она тебе еще не говорила, что мы с ней об этом с самого начала договорились.

И потом это не я, а душа моя так решила – влюбиться. Я ведь сказала, что отпустила её в свободный полёт, вот она и втюрилась, а я здесь ни-при-чём, – по складам сказала Марина. – Если бы я включила свои мозги, то вряд ли что получилось.

– А хочешь знать, что я об этом думаю? – спросил я.

– Хочу! – Марина с любопытством посмотрела на меня.

– Ваша затея мне очень даже понравилась. Признаться, давно мечтал о чем-то подобном. У меня две милых, симпатичных женщины, что может быть лучше, а главное без претензий друг к другу, да и ко мне тоже.

– Вроде шведской семьи, – сказала Марина.

– Да, что-то в этом роде, только, насколько я понимаю, шведы живут вместе – семьёй, ну а мы отдельно, и съезжаться, я думаю, мы не будем. Разве что встретиться втроём под одеялом, ты как на это смотришь?

– К подобному я пока не готова.

– Ну, тогда тему закрываем.

И мы дружно рассмеялись и снова выпили, и закусили. Подозвали официанта и попросили еще шампанского и клубнику с мороженым, а закончив в ресторане, взяли бутылку шампанского с собой на дорогу.

Погоуляли по набережной, спустились к морю и прошлись по берегу. Марина была весела, шутила и дурачилась – взобралась на камень, присела и окропила море, при этом хохотала и чуть не свалилась. Пришлось придержать её за плечико, пока она исполняла свой «смертельный» номер.

– Похоже, что я не только влюбилась, но и совсем с катушек съехала! Но ты не смотри и не осуждай. Я долго была слишком серьёзная, а подобное давно хотелось проделать.

– Господи! Как же хорошо бывает временами! – воскликнула она, зайдя в море.

– Это точно! – согласился я.

И мы снова вернулись на набережную, зашли в кафе, заказали мороженое и кофе.

Домой направились за полночь, пришли к Марине, где я и остался ночевать, и где мы выделывали, что хотели.

...В общем, ночь была еще та.

Дикий пляж, СБУ и джигиты с Кавказа

А потом навалилась работа – простая, незатейливая, но необходимая. В гостинице и кафе всё должно было крутиться, вертеться и доставлять удовольствие клиентам, которые заезжали, выезжали, мылись, брились, забывали закрывать краны, бросали в канализацию что ни попадя. Ну, а я должен был все это вовремя устранять, разруливать и не допускать никаких катаклизмов.

Но в один из выходных, а я старался для себя их все же оставлять, мы с Мариной покатались на машине, проехав вдоль побережья, завернули в Воронцовский дворец, а затем и в «Ласточкино гнездо». Ну, а ближе к вечеру, по узкой тропке спустились к морю и, выбрав укромное местечко, устроили купание. Разделись и быстренько, голышом, прошмыгнули в воду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.